

Андрей Иванович Серба

Таинственный обоз



by Ustas; Spellcheck by Beauty
<http://www.pocketlib.ru>
«Андрей Иванович Серба. Заговор
против Ольги. Повести»: Букмэн;
Москва; 1997
ISBN 5-7848-0091-4

Аннотация

Динамичные и живые приключенческие повести Андрея Сербы знакомят читателя с бурными событиями истории вечно воевавшей Руси. Воинственные князья, мудрые красавицы, интриги, динамичный сюжет — всё это можно найти на страницах повестей, включенных в данный сборник. Внимание читателя, без сомнения, привлекут героические подвиги во имя Родины, коварство изменников,

стойкость русского характера.

Андрей Серба
Таинственный обоз

1

Маршалу часто казалось, что теперь ему суждено возненавидеть снег до конца дней своих. Здесь, в России, от него не было спасения нигде. Он постоянно сыпал с хмурого, по-зимнему низкого неба, лежал вокруг огромными голубоватыми сугробами или, подхваченный ветром, попадал в глаза, за отвороты шинели, голенища ботфорт. Днем снег слепил, а ночью отражался в зрачках при свете костров пугающе-мертвенной белизной. Возможно, не только от голода и усталости, но также и от него были так безжизненны и равнодушны ко всему на свете лица еще уцелевших солдат некогда великой, непобедимой армии. Расстегнув до последней пуговицы шинель и сняв с головы треуголку,

маршал протянул к огню озябшие руки, пошевелил пальцами. Небольшой костерок горел посреди приземистого сарая, специально для него оставленного целым из всей разграбленной и растащенной солдатами на дрова русской лесной деревушки. В затхлом помещении пахло коровьим навозом и плесенью, слева в углу была свалена груда старой полуистлевшей соломы. Но главное, здесь было темно и безветренно, а глаза отдыхали от созерцания столь ненавистного снега.

Лишь отогрев руки, маршал взглянул на спутника, все это время молча стоявшего рядом с ним. Это был высокий черноволосый офицер с живыми серыми глазами и слегка вьющимися на щеках бакенбардами. — Капитан, я готов выслушать ваши объяснения.

— Господин маршал, казаки налетели внезапно, когда мои люди только начали расседлывать коней и готовились отдохнуть возле костров. Русские вначале дали из

леса залп, затем бросились в сабли. В результате стычки и последовавшего бегства все мои солдаты оказались убиты или взяты в плен. Я избежал подобной участи лишь потому, что во время нападения осматривал предстоящий после отхода маршрут и находился в противоположной от наскочивших казаков стороне. Когда я прискакал на выстрелы к обозу, все уже закончилось. Дорога была завалена трупами моих драгун, все лошади угнаны, поклажа в телегах перевернута кверху дном, а сами казаки исчезли, словно дым. От всего конвоя уцелело лишь два солдата, которым в суматохе боя удалось незаметно спрятаться в кустах.

— Капитан, меня нисколько не интересуют судьба ваших вконец забывших о дисциплине и осторожности драгун, — перебил офицера маршал. — Я хочу знать, что случилось с обозом.

— После возвращения я первым делом пересчитал телеги. Все до одной

они оказались на месте. Да и зачем русским наш порох, если у них своего вдоволь? Казаки лишь отогнали обоз от дороги поглубже в лес, надеясь, что он достанется их войскам.

— Прекрасно, что они не вздумали уничтожить обоз на месте. Кстати, капитан, что сказал генерал Жюв при назначении вас начальником конвоя?

— Он объяснил, насколько важен для нашей отступающей армии порох. Предупредил, что на вверенных моей охране телегах находится неприкосновенный запас боепитания для всего нашего корпуса. А напоследок еще раз напомнил, что я не имею права выдавать никому ни единого бочонка без его письменного ордера или личного распоряжения.

— Теперь, капитан, забудьте все, что говорил вам генерал. Однако хорошенько запомните то, что услышите сейчас от меня. Конечно, нападение казаков на конвой и гибель ваших драгун — большая

неприятность. Но то, что русские не взорвали обоз, а спасшиеся от казачьих сабель и плена солдаты указали вам его новое местонахождение, — огромная удача. Поэтому, капитан, вам придется вернуться к обозу и доставить его в расположение наших войск из-под носа русских.

— Слушаюсь, господин маршал! — щелкнул каблуками офицер.

Маршал недовольно поморщился.

— Капитан, не перебивайте меня. Вы еще не слышали самого главного, а оно заключается в следующем.

Порох, о котором говорил генерал Жюв и который действительно находится в телегах вашего обоза, меня мало волнует. Спасти необходимо совсем другое: то, что спрятано на самом дне каждой телеги в трех бочонках, помеченных двумя едва заметными лилиями. То, из-за чего был снаряжен этот якобы пороховой обоз, что заставило отдать для его перевозки последних, еще способных передвигаться лошадей, выделить

для охраны лучших солдат. Это было сделано потому, что в бочонках с лилиями находится самое дорогое, чем располагает на сегодняшний день наша армия, — русское золото и драгоценности, которые мы вывозим из этой проклятой страны. Маршал замолчал, пристально взглянул в лицо офицера.

— Капитан, вы слышали что-нибудь о московском золоте?

Офицер неопределенно пожал плечами.

— Разное, господин маршал. До меня доходили разговоры, что какие-то подонки, выдававшие себя за наших солдат, грабили в Москве церкви и монастыри, обыскивали дворцы и частные дома. А целая их команда, по слухам, будто бы занималась подобным делом в самом Кремле. Но лично я не придавал таким разговорам особого значения: в каждой армии есть мародеры и шкурники...

— Вы действительно слышали о мародерах, капитан, — оборвал собеседника маршал. — Я же говорю

совершенно о другом. Золото и драгоценности, которые были поручены вашей охране, являются собственностью или добычей, как вам будет угодно это назвать, не какого-то отдельного, частного лица, а Франции и ее императора. Да, они действительно взяты в русских церквях и монастырях, царских дворцах и особняках русской знати. Однако это не грабеж, а законное право победителя, так сказать, контрибуция, возмещающая понесенный в ходе боевых действий ущерб. Вы поняли мою мысль, капитан?

— Так точно, господин маршал! — вытянулся офицер.

— Буду откровенен с вами до конца, капитан. Мы проиграли эту войну, вернее, эту часть кампании, — тотчас поправился маршал. — Однако мы извлечем из своих неудач уроки и, не повторяя ошибок, снова продолжим войну с Россией. Но для этого нужны солдаты, много солдат. А они, как известно, не появляются

сами по себе. Чтобы из мужика сделать солдата, его надобно одеть, вооружить, накормить, обучить, для чего необходима масса денег. На создание этой новой могучей армии нам и понадобятся золото и драгоценности, которые мы сейчас вывозим в вашем обозе. Мы станем воевать против России на ее же деньги, — усмехнулся маршал. Громкий шорох в углу, где лежала старая солома, заставил его смолкнуть и повернуть в ту сторону голову. Но в сарае снова царила тишина, нарушаемая лишь слабым потрескиванием дров в костре. Груда соломы, тускло освещенная бликами пламени, была неподвижна. — По-видимому, мыши, — сказал капитан, снимая ладонь с рукоятки засунутого за пояс пистолета. — Наверное, — согласился маршал и продолжал: — Это золото и драгоценности для нас дороже всего на свете. Даже тех наших солдат, что еще живы и неизвестно зачем бредут на запад. — Уголки губ маршала презрительно

искривились. — Если в будущем эти человеческие отбросы кому-нибудь и нужны, то лишь себе, поскольку для Франции и новой войны с Россией они уже безвозвратно потеряны. В их опустошенных поражением душах свили гнездо страх и неверие в собственное оружие, и нет силы, которая могла бы воскресить их как воинов. В их памяти, словно страшный кошмар, останутся на всю жизнь этот безбрежный русский снег и нескончаемые метели, свист ветра и придорожные сугробы с трупами непогребенных однополчан. Их воинский дух навсегда сломлен, и в покорившиеся судьбе сердца уже никогда не вдохнуть жажду победы. Этот бредущий по дорогам сброд давно лишился права именоваться солдатами, и единственное, на что он способен в дальнейшем, — разлагать других. Если Франция намерена выиграть новую русскую кампанию, она должна бросить в предстоящие сражения иных воинов. Этих послушных дисциплине, верящих в возрождение французской боевой

славы солдат нам даст русское золото. Теперь вы до конца понимаете всю важность своего задания, капитан?

— Да, господин маршал.

— Надеюсь на вас. Можете лично отобрать необходимое количество солдат из моей охраны.

— Благодарю, господин маршал, однако я намерен ограничиться одним эскадроном драгун. Больше число солдат лишь увеличит возможность нашего обнаружения русскими, но вряд ли поможет спасти обоз в случае их погони. Казачьи отряды кружат вокруг армии днем и ночью, у них прекрасно налаженная между собой связь. Будь у меня хоть полк, они моментально соберут вокруг нас любые собственные силы, чтобы взять над нами верх. Моим союзником станет хитрость. Наша армия отступает только по дорогам, с учетом этого обстоятельства русские строят свою тактику преследования. Поэтому я с обозом уйду подальше в лес, в глушь, за спины ныряющих у дорог

казаков. Там, в полнейшей безопасности, я обгоню на лошадях наши отступающие пешие колонны, чтобы в назначенном месте одним молниеносным броском снова соединиться со своими. Другого реального плана спасти обоз от русских я не вижу.

Маршал несколько раз задумчиво провел рукой по подбородку.

— Что ж, капитан, по-моему, это самое разумное решение. Обсудите свое предложение с моим начальником штаба, уточните все детали. И еще... Его племянник, лейтенант Моро, долгое время жил в России, прекрасно знает ее язык и нравы. Этот молодой человек весьма умен, сообразителен, тоже посвящен в тайну золотого обоза. С этой минуты он поступает в ваше полное распоряжение, и вы оба отвечаете перед Францией за бывшее русское, а теперь ее золото...

Кутузов оторвал взгляд единственного глаза от разложенной на столе карты, приподнял голову

на звук распахнувшейся двери. Увидел застывшего у порога высокого, нескладного, в мешковатом мундире прапорщика, приветливо улыбнулся.

— Здравствуй, здравствуй, душа Владимир Петрович, — проговорил он, откидываясь на спинку заскрипевшего под тяжестью его тела кресла. — Давненько тебя не видывал. Пожалуй, с поры, когда мы оставляли неприятелю первопрестольную и ты явился ко мне с желанием послужить Отечеству.

— Так точно, ваше сиятельство. С того времени по вашей протекции состою при штабе Первой армии.

— Знаю, голубчик. Слыхивал также, что выражаешь сим недовольство и рвешься на поле брани. Так ли?

— Да, ваше сиятельство. Ибо всяк честный россиянин в опасную для Отечества годину обязан... — горячо начал прапорщик, однако взмахом пухлой руки Кутузов остановил его.

— Э, голубчик, сейчас ты не просто россиянин, а прежде всего воин,

кoемy нaдлeжит вeршитъ свoе дeлo тaм, кудa oн пoстaвлeн нaчaльствoм. Дo сeгo мoмeнтa твoe мeстo былo при штaбe, a нынe... — фeльдмaршaл пeрeвeл взгляд нa вoшeдшeгo вмeстe с прaпoрщикoм aдъютaнтa. — Пeрeбeжчикa кo мнe! Дoстaвлeнный в кaбинeт двумя кoнвoирaми пeрeбeжчик был нeимoвeрнo худ, дo пpeдeлa измoждeн, с глyбoкo ввaлившимися глaзaми. Oн густo зaрoс щeтинoй, в иссиня-чeрныx всклoкoчeнныx вoлoсax тoрчaли стeбли сoлoмы. Eгo мундир дaвнo пpeвратился в лoхмoтья, из рaзбитыx вдрызг сапог тoрчaли пaльцы бoсыx нoг. — Нaкoрмили? — спрoсил Кутузoв у aдъютaнтa. — Тaк тoчнo, вaшe сиятeльствo. — Сeй испaнeц, — снoвa пoвeрнулcя фeльдмaршaл к прaпoрщикy, — пeрeмeтнулcя к нaм минувшeй нoчью и сдeлaл вeсьмa... вeсьмa интpигующee сoбщeниe. Вы, дyшa Влaдимир Пeтpoвич, кaк пoмню, свoбoднo влaдeeтe испaнским. Скaжитe плeнникy, дaбы рaсскaзaл

свою историю еще раз.

— Прошу повторить мне то, что ранее сообщали господину главнокомандующему, — обратился прапорщик к перебежчику по-испански.

Пленник вопросительно взглянул на Кутузова и заговорил лишь после его утвердительного кивка.

— Я давно собирался покинуть французов, сразу после нашего отступления из Москвы. Однако подходящий случай представился только позавчера. Незаметно спрятавшись в деревенском сарае, я дождался прихода ваших войск и сдался в плен. А до этого стал свидетелем одного любопытного разговора... — И перебежчик почти слово в слово передал прапорщику содержание беседы между французским маршалом и капитаном, командиром уничтоженного казаками конвоя.

— Вы ничего не путаете? — недоверчиво спросил прапорщик, когда испанец смолк

— Никак нет, господин офицер. Я

родился и вырос на французской границе, знаю язык соседей, как свой родной. К тому же я прятался в сарае в грудe старой соломы рядом с костром, возле которого происходил разговор. Благодаря этому я слышал все отчетливо и до последнего слова. За правдивость своего сообщения ручаюсь головой. — Что молчите, голубчик мой? — лукаво прищурился Кутузов, когда конвойные вывели перебежчика из кабинета.

— Думаю, испанец решил попросту смягчить собственную участь и хоть чем-то заслужить наше благорасположение. По долгу службы мне часто приходится допрашивать пленных, и чего только я от них не наслушался.

— Согласен, душа моя, всякое случается. Только, сдается мне, сей испанец правду говорит. О золоте и прочих драгоценностях, что вывозят французы из России, я извещен давно, однако на след их прежде никак напасть не удавалось. Во все века были лакомы иноземцы

до нашего российского добра, и воинство Бонапарта по жадности ничем не уступает орде Батыевой. Верно молвил пленник, что награбленные российские богатства для бегущего француза ныне дороже всего на свете.

— Но ведь это сущее варварство, ваше сиятельство! Вандализм! — воскликнул прапорщик.

Кутузов тихо рассмеялся.

— Опять согласен с тобой, голубчик. Только в подобных делах мало негодовать да возмущаться, поскольку разбойник внемлет не слову, а силе.

— Но, коли мы знаем об обозе, извещены даже о его предположительном местонахождении, в нашей власти захватить его.

— Для того и позвал тебя, душа моя. Немало под моим началом смелых, отважных офицеров, лихих гусар и быстрых казаков, только не лежит душа поручать кому-либо из них это дело. Всяк из мной перечисленных мечтает изловить чужого полковника или генерала,

получить за проявленное геройство
внеочередной чин или быть
возведенным в более высокую
должность, и мое поручение
покажется ему скучным и пустячным.
Не всякому понять дано, что речь
идет не о золоте и камнях, а о
стародавних памятниках истории
нашей великой, о святых реликвиях
веры православной, о достоянии
державы нашей могучей и всего
народа российского. А сие намного
дороже всех иноземных генералов,
коих доставлен мне уже не один
десяток, чужих пушек и знамен,
которые даже не знаю, куда девать.
Поручить такое задание могу лишь
человеку, который не только приказ
мой исполнять станет, а также
веление и потребность собственной
души, разумея всю необходимость
действий своих для государства
нашего. Помню, голубчик Владимир
Петрович, что ты, как и родитель
твой покойный, неумную тягу к
древностям нашим питаешь. Потому и
решил доверить тебе спасение
сокровищ российских.

— Благодарю, ваше сиятельство, — растроганно произнес прапорщик.
— Любезничать потом будем, а сейчас надобно немедля отправляться на поиски обоза, покуда французы его к себе угнать не успели. Кого с собой взять желаешь: эскадрон гусар или сотню казаков?
— Казачков, ваше сиятельство.
— Одобрю: гусары больше любят «ура!» да атаку в широком поле, а казаки привычны, что волки, по лесам и оврагам рыскать. Ну, голубчик мой Владимир Петрович, с Богом. Желаю удачи...

2

Третьи сутки не покидали заболоченных лесов и занесенных снегом оврагов прапорщик и подчиненная ему сотня черноморских казаков, однако нужного обоза или каких-либо его следов им обнаружить не удалось. Владимир Петрович не винил в этом никого. Прежде чем выступить в путь, он со

свойственной ему дотошностью
разузнал в штабе
главнокомандующего все, что
касалось маршрута отступления
корпуса генерала Жюва и
ежедневного перемещения его штаба.
Помимо этого, еще раз подробно
допросил перебежчика-испанца,
надеясь, что какая-нибудь
кажущаяся на первый взгляд
незначительной деталь поможет
чем-либо нагляднее и точнее
представить место расположения
обоза. Не было у него претензий и
к казакам: бывалые, закаленные в
боях черноморцы, почти все
увешанные крестами и медалями, не
знали устали и покоя, обшаривая
днем и ночью окрестности дорог,
возле которых предположительно мог
находиться разыскиваемый обоз.
Все дело заключалось в том, что
неизвестный прапорщику французский
капитан сделал единственно верный
в его положении ход: опередив
русских, он попросту покинул район
отступления своей армии,
избавившись таким образом от

самого опасного для себя врага — по пятам преследовавших французов казаков и отрядов русской легкой конницы. Сейчас, оказавшись в стороне от мест боевых действий и никого не страшась, укрываясь днем для отдыха в лесах и двигаясь только ночью, он мог спокойно и без помех уводить обоз маршрутом, параллельным своим отступающим войскам. Затем, обогнав соотечественников и противника, ему ничего не стоило затаиться в укромном месте на пути своих приближающихся войск и без всяких осложнений соединиться с ними. Для себя в сложившейся ситуации прапорщик видел только один разумный способ действий: смирившись, что французам удалось опередить его и завладеть обозом, немедленно начать их преследование. В этом случае можно было догнать и отбить обоз прежде, чем противник успеет соединиться со своими основными силами. Но сколь велико было число дорог, по которым французский эскадрон мог

уходить от погони! Надежда обнаружить его имела столько же шансов на успех, как попытка отыскать иголку в стоге сена. И все-таки, посоветовавшись с командиром черноморцев, утром четвертого дня прапорщик велел прекратить поиски обоза и начать стремительное движение на запад. Впереди сотенной колонны по всем предположительным маршрутам вражеского эскадрона были высланы разведывательные дозоры. Владимир Петрович хорошо знал и помнил поговорку, что смелым всегда улыбается счастье. Вечером четвертых суток поисков обоза он добавил бы, что счастье не обходит стороной также настойчивых. Дело в том, что через шесть часов после отдачи приказа о движении на запад ему удалось напасть на след исчезнувшего обоза. Прапорщик и командир сотни сидели у костра и хлебали из котелков походное варево, когда подскакавший урядник соскочил с лошади и замер против них по другую сторону огня.

— Пан сотник, — не переводя дыхания, начал он, — мои хлопчики ухватили за хвост вражий обоз! Мы отыскали возы, на которых поначалу лежал французский порох.

Сообщение было настолько важным, что прапорщик, немного понимавший украинский язык, на котором говорил урядник-черноморец, потомок запорожских казаков, счел нужным обратиться к сотнику:

— О чем он?

— Говорит, что его дозор обнаружил французские телеги. Считает, что они имеют отношение к интересующему нас обозу

— Где обнаружил и почему так считает? — быстро спросил прапорщик, моментально забыв о котелке.

Однако сотник уже его не слышал. Постукивая по голенищу сапога нагайкой, он стоял рядом с прискакавшим и зло смотрел на него.

— Где умудрился нализаться, герой?

— В монастыре, пан сотник. Там, где французские возы стоят. А в

святую обитель заскочили с благой думкой: узнать, не обижает ли кто монахов.

— Лучше скажи, что еще за версту учуял своим длинным носом запах монастырских наливок, — усмехнулся сотник — Твое счастье, что урядник, а не простой казак. Иначе велел бы всыпать за твои заботы о монахах десяток плетюганов. Теперь отвечай, почему решил, что французские, а не наши. Не спьянули?

— Знаю эти возы, пан сотник. Мне не впервой с Европы лишний гонор сшибать, видел такие возы в седьмом году у австрияк и пруссаков. У них ободья железной полосой обтянуты и шипы наварены, чтоб, значит, колесо по грязи да льду не скользило. И клейма на возах поставлены не наши, а словно паучьи.

— Как возы в монастыре очутились?

— Не могу знать, пан сотник. Не моего ума дело, чтоб сыск пану настоятелю учинять. Оттого за вами и прискакал.

Прапорщик, внимательно прислушивавшийся к разговору казаков, поднялся на ноги, тронул сотника за локоть.

— Думаю, нам самим необходимо побывать в монастыре. И чем скорее, тем лучше...

Святая обитель располагалась на крутом лесном взгорке, отгороженном от окружающего суетного мира высокими, красного кирпича стенами. Урядник провел офицеров в длинный монастырский сарай, где в дальнем углу стояли десятка полтора высоких, на широких добротных колесах повозок. — Они, — сказал казак, ударив по ближайшей повозке ножнами сабли. — А клеймо сзади.

Владимир Петрович никогда в жизни не интересовался телегами и не являлся знатоком в этом вопросе, однако клеймо, выжженное каленым металлом на заднем борту указанной урядником повозки, сказало ему о многом. Крупным готическим шрифтом, действительно напоминавшим острыми углами

распростертого паука, саксонский мастер сообщал любопытным свою фамилию и название мастерской, из ворот которой отправилось по дорогам Европы его изделие. Теперь предстояло выяснить, каким образом произведение рук немецкого умельца оказалось столь далеко от его родины в сарае русского монастыря. Рассказ настоятеля был немногословен. Два дня назад под вечер у стен монастыря остановился русский конный отряд, сопровождавший обоз из саней и телег, груженных какими-то бочонками. Один из офицеров отряда обратился к настоятелю с просьбой обменять имевшиеся в обозе повозки на монастырские сани, поскольку отряд должен был срочно доставить порох своему преследовавшему французов полку, а при здешних дорогах и глубоком снеге сани являлись самым удобным транспортом. Крепкие, вместительные повозки с обтянутым полотном верхом были для монастыря куда ценнее простых крестьянских

саней, изготовлявшихся в каждой окрестной деревне, и предложенный офицером обмен незамедлительно состоялся. Обрадованный столь удачной сделкой настоятель велел дать офицеру в придачу пять бочек монастырской наливки, после чего отряд вместе с обозом отправился догонять свой полк.

— Отчего вы, святой отец, изволили решить, что солдаты и обоз были нашими? — поинтересовался Владимир Петрович, внимательно выслушав настоятеля.

— А кем им быть еще? — удивился тот. — От монастыря до тракта, по которому отступают французы, без малого пять десятков верст, и в нашей округе еще ни разу не видывали живого неприятеля. А если бы он появился, мужики быстро с ним разделались бы. Потом, я лично разговаривал с офицером, предложившим обмен. Приятный, обходительный человек.

— Не припомните, как он выглядел? — тотчас спросил прапорщик

— Отчего же? Наружностью весьма недурен и изящен, наверное, из гвардейцев. С собой белокур, улыбчив. Словом, офицер как офицер.

— Как говорил по-русски?

На лице настоятеля мелькнуло удивление.

— Превосходно. Как же ему еще изъясняться на родном языке? Прекрасный московский говор.

— Что можете сказать о солдатах?

— Не лицезрел их. Поскольку они, дабы не нарушать покоя святой обители, по распоряжению господина офицера оставались все время за монастырскими стенами.

— Но ведь кто-то из ваших людей должен был менять сани на повозки. Они ничего не заметили странного?

— Я уже говорил, что господин офицер был очень любезен. Он приказал конюхам лишь выставить сани за ворота обители, все остальное делали солдаты.

Монастырским служкам потом осталось только вкатить оставленные повозки с дороги в

сарай.

— Офицер не обмолвился, куда собирался следовать дальше?

— В самом начале знакомства сказал, что догоняет свой полк. Но, откровенно говоря, я по сему поводу особенно не любопытствовал, поскольку мимо обители проходит лишь одна дорога — большак к уездному городку. А по тропам, что сбегаются к большаку, чужой в наших лесах человек особенно не наездится: обязательно проводник нужен. Отчего сей офицер так вас интересуется? — не смог все-таки сдержать любопытства настоятель. Прапорщик, ждавший подобного вопроса, не задумался ни на миг.

— Обоз нашего полка тоже отстал, мы отправлены на его поиски. Вот и хотим узнать, не наши ли люди были у вас?

— Езжайте вдогонку обозу по большаку, — посоветовал настоятель. — Может, догоните. Коли нет, значит, он свернул с большака в сторону тракта, по которому бегут неприятели. Тогда

поспрашивайте про своих у
встречных мужичков. У нас каждый
чужой человек на виду, а здесь
целый обоз и воинская команда при
нем. Не могут они бесследно
исчезнуть, никак не могут...

— Спасибо, святой отец, так и
поступим. Простите за
беспокойство.

Мнение офицеров об увиденном и
услышанном в монастыре было
однозначным: им удалось обнаружить
след разыскиваемого обоза. Поэтому
необходимо со всей возможной
скоростью продолжать погоню по
большаку. И, конечно, не забывать
при этом расспрашивать о
преследуемых встречающихся мужиков
и не лениться самим осматривать
все пути, ведущие от большака в
направлений тракта.

Не давая себе и лошадям отдыха,
казаки скакали по большаку всю
ночь. Когда утром сотня
остановилась в небольшой деревушке
на отдых, прапорщика ждала
приятная новость. Староста,
пригласивший господ офицеров в

свою избу, на их расспросы сообщил, что собственными глазами видел вчера днем на опушке леса, невдалеке от дороги, отряд конных солдат, отдыхавших возле костров, и даже разговаривал с их благородием господином офицером.

— С собой изящен, светловолос, приятен в обхождении? — первым делом поинтересовался Владимир Петрович.

— Так точно, весьма обходителен. Расспросил меня о здешних дорогах, не забредают ли сюда и не шалют ли францы. А на прощание даже изволил угостить шкаликом наливки, — похвалился староста.

— Сколько видел на опушке солдат и не было ли при них телег или саней?

— Как же, конечно, имелись. Целый обоз, — степенно ответил староста. — Их благородие сказали, что ему как раз велено оборонять войсковое имущество от францев. Солдат у костров грелось не особенно много, не больше восьми десятков душ, саней и повозок

стояло десятка три—три с половиной. Разве их все по кустам среди деревьев толком углядишь да сосчитаешь?

— О чем еще говорил с их благородием?

— Они интерес имели, нельзя ли у наших мужиков разжиться санями. В обмен, значит, на их повозки. Я, конечно, поначалу осмотрел повозки. Оказались подходящие, иноземной работы. Так я сперва свои сани на одну обменял, а потом всю родню к такому выгодному делу склонил. Ни одной повозки в чужие руки не отдал, — с гордостью заявил староста.

— Офицер не сказывал, куда с войсковым имуществом путь держит? К городу или полку?

— К нашим. Что францев, стало быть, по тракту гонят. А поскольку в десятке верст от нашей деревни на большаке развилка, он меня про нее расспрашивал.

Владимир Петрович насторожился, переглянулся с сотником.

— Что за развилка?

— В том месте начинаются гнилые болота. Да такие, что в самые лютые морозы не всегда замерзают. Вот большак и обходит их со стороны, что к городу поближе. А поскольку деревни и на другом берегу болот имеются, тамошние мужики вдоль них свой зимник пробивают, ничуть не хуже большака.

— Что заинтересовало господина офицера?

— А все. Где путь длиннее, где короче. По какой дороге больше мужиков ездит, а также откуда проще к тракту свернуть и легче к нему добраться. Дотошный их благородие: каждую мелочь знать хочет, — уважительно отметил староста.

— По какой дороге он собрался ехать: по большаку или зимнику? Староста пожал плечами.

— Кто ведает? Их благородие мне про свои дела не докладывали. Да и к чему мне это? В моей голове тогда одна думка вертелась: как бы они не передумали телеги на сани

менять.

— Среди солдат, что у костров грелись, землячков не оказалось? — не отставал с расспросами прапорщик. — Может, кто-либо из них тебе шкалик наливки тоже поднес? — улыбнулся он.

Староста пренебрежительно махнул рукой.

— Какой там шкалик? Никто даже словом не обмолвился. Хмурые все какие-то, обличья в сторону воротят. Может, так и должно быть? Как-никак не к куму на святки едут, а на битву с францами, — глубокомысленно закончил он.

Выменянные предприимчивым старостой и его родней повозки, как и следовало ожидать, оказались точной копией уже виденных в монастыре и даже с клеймом того же саксонского мастера. Получив подтверждение, что они на верном пути, преследователи после короткого отдыха продолжили погоню по большаку дальше, в сторону упомянутой старостой развилки. Здесь, у начала присыпанных слоем

снега болот, перед Владимиром Петровичем встал непростой вопрос: по какой из дорог следовать? У каждой из них, большака и зимника, имелись свои плюсы и минусы, каждая в чем-то одном выигрывала, а в другом проигрывала. Как угадать, что в данной ситуации играло для французов главенствующую роль? Скорость или безопасность, желание быть к тракту ближе или дальше? Хотя в продолжение всего пути до развилки сотник и прапорщик только и говорили о предстоящем выборе маршрута, ни к какому определенному выводу они не пришли и продолжили обсуждение на месте, у самой развилки. Раздавшийся поблизости мелодичный звон колокольчика заставил сотника прервать себя на полуслове и взглянуть в направлении потревожившего его звука. Из-за ближайшего со стороны города поворота большака вынеслись небольшие нарядные сани, запряженные тройкой рысаков с

черными султанами на головах и разноцветными лентами в гривах. Впереди на облучке восседал невзрачный мужичонка в надвинутом на брови облезлом треухе и рваной шубейке с поднятым воротом. Зато позади на медвежьей шкуре полулежала настоящая русская красавица: круглолицая, розовощекая, с длинной русой косой и полными веселья глазами. Увидев у развилки казачий отряд, она приподнялась на локте, радостно взвизгнула, а поравнявшись с офицерами, ткнула возницу кулаком в спину.

— Степашка, стой!

Девушка мельком скользнула глазами по ссутулившемуся в седле прапорщику, недовольно сморщила носик при виде хмурой, вислоусой физиономии верзилы-урядника, неотлучно находящегося при командире сотни, остановила взгляд на статном, красивом, молодцевато сидящем на коне казачьем офицере. — Здравствуйте, господа! — весело воскликнула незнакомка. — Вы что,

тоже к нам в город?

— Почему тоже? — улыбнувшись девушке, спросил сотник, галантно наклоняясь к ней с седла и незаметно переглядываясь с прапорщиком.

— Потому что совсем недавно мы встретили еще один отряд всадников. Господин офицер сказал, что они следуют в город и будут в нем до тех пор, покуда не прогонят из уезда последнего голодного француза, — с обаятельной улыбкой сообщила незнакомка.

— Белокурый, изящный, обходительный... — в один голос воскликнули сотник и прапорщик. Девушка с неприкрытым удивлением вскинула брови.

— Да. Но откуда вы его знаете? Он ваш товарищ?

— Однополчанин, — ответил Владимир Петрович и тут же поинтересовался:

— Вы давно его видели?

— О нет... Пожалуй, с час назад.

— С офицером было около сотни всадников и десятка четыре саней с поклажей?

Незнакомка вновь не смогла скрыть удивления. Ее широко открытые глаза смотрели прямо в рот прапорщика.

— Наверное... — неуверенно ответила девушка, бросая молниеносный взгляд на своего возницу. — Хотя, по правде сказать, я не считала ни солдат, ни саней, — тут же добавила она.

Всю дорогу от избы старосты Владимир Петрович уверял сотника, что французы наверняка станут держаться подальше от людного большака, поэтому свернут с развилки на зимник, откуда ближе к тракту с их отступающими войсками. Сейчас, после разговора с незнакомкой, он задумчиво потер переносицу.

— Барышня, далеко ли отсюда до города? — спросил он.

— Тридцать пять верст.

— Возможно ли, минуя город, попасть с большака на тракт, по которому бегут французы?

— Конечно. Не доезжая пяти верст до города, через болота проложена

гать. Она пересекает зимник, что на противоположном берегу, и напрямик выходит на тракт.

— Скажите, как быстрее попасть на тракт: по большаку и затем через гать или по зимнику?

— Через гать, она пересекает болота в самом узком месте. Дело в том, что противоположный берег на значительном расстоянии более пологий, отчего сильнее заболочен. Поэтому, прежде чем свернуть к тракту, зимник делает в обход трясины большую петлю. Если вам нужно срочно на тракт, езжайте только через гать, этим вы сократите путь верст на двадцать.

— Благодарим вас, барышня.

Сотник взглянул на опускающееся за вершины деревьев солнце, снова наклонился с седла к девушке.

— Уже смеркается, и мы рискуем не найти в темноте съезд с большака на гать. Тем паче что ветер начал разгуливаться и того гляди начнется метель. Вы не позволите своему кучеру проводить нас до начала гати? А вместо него мы

дадим вам десяток казачков. Они мигом доставят вас домой, затем догонят нас.

Сотнику показалось, что при его словах в глазах девушки мелькнул ужас, а лицо заметно побледнело. Быстрому, испуганному взгляду, который она опять метнула на согнутую спину возницы, он попросту не придавал значения.

— О нет, господин офицер, я не могу так поступить, — медленно, заикаясь на каждом слове, проговорила она. — Что подумает маменька, когда я появлюсь с незнакомыми мужчинами? А мой жених? Он такой ревнивый! Потом, я уже дома. Прощайте... Будет время, прошу в гости.

И девушка указала на видневшуюся невдалеке на холме барскую усадьбу. Потеряв всякий интерес к разговору, она натянуто улыбнулась сотнику и, оставив без внимания прапорщика и урядника, ударила возницу ладонью по плечу

— Гони, Степашка!..

Падавший сплошной стеной снег

затруднял видимость, ледяной ветер жег лицо и выжимал из глаз слезы, однако казачья сотня упрямо мчалась по большаку вперед. Лишь когда по сбившейся неровной рыси своего жеребца сотник догадался, что уставать начал даже он, которому не были в диковинку гораздо большие расстояния, нежели от развилки до предполагаемого поворота на гать, черноморец подскакал к прапорщику.

— Послушай, а ведь гать мы проскочили. И отмахали уже столько, что пора быть в городе.

— Знаете, сотник, мне тоже так кажется, — признался Владимир Петрович. — Может, нам на самом деле вернуться назад и более внимательно осмотреть дорогу?

— Повернуть назад — дело нехитрое, только вряд ли в такой круговерти снова что-нибудь разглядишь.

Смотри, вон светится огонек. Давай подадимся к нему и еще раз толком разузнаем все о повороте.

Заспанный мужик, поднятый урядником с полатей, долго не мог

ничего понять.

— Что за гать? Какой поворот с большака? — бормотал он, часто моргая глазами и переводя недоуменный взгляд с прапорщика на сотника.

— Гать проходит через болото, а по ней идет дорога, — который раз растолковывал ему Владимир Петрович, стараясь говорить как можно спокойнее и доходчивее. — Дорога эта пересекает на той стороне трясины зимник и выходит к тракту.

— Э, нет, ваше благородие, такого здесь отродясь не водилось, — наконец понял, в чем дело, мужик. — Никакой гати через наши топи нет, и большак нигде с зимником не встречается. Идут каждый по своему берегу болота до самого города и лишь в нем на рыночной площади сходятся. Завсегда так было и до сей поры есть.

— А город близко?

— Два десятка верст не доехали, ваше благородие.

— Что говоришь, пустомеля? — не выдержал сотник. — Коли чего не знаешь, так и скажи... нечего тень на плетень наводить. Про гать нам самолично ваша молодая барышня рассказывала.

— Какая барышня? — оторопел мужик.

— Та, что в усадьбе близ развилки живет. В санках с лентами раскатывает, и кучера у нее Степаном кличут.

У мужика от удивления глаза полезли на лоб.

— Никакой такой барышни не знаю. А в усадьбе у развилки старая графиня живет. Только нет у нее никакой барышни, а имеется единственный сын, что в гусарах служит. И кучера ихнего не Степаном, а Кузьмой величают.

— Перекрестись, — строго потребовал сотник.

— Ей-богу правду говорю, — начал торопливо креститься мужик. — Нет в нашей округе ни гати через болото, ни барышни, что в усадьбе у развилки живет. Христом-Богом клянусь.

— Верим, верим, — сказал прапорщик, останавливая мужика. — Скажи, как отсюда попасть к тракту?

— На выбор, барин. Желаете, через город. Это, значит, скакать по большаку вперед. А можно повернуть назад и у развилки свернуть на зимник. Коли снова не верите, переспросите у любого в деревне, — с обидой закончил он, косясь на сотника... Когда офицеры возвратились к отряду, сотник со злостью ударил кулаком по седлу. — Ну и шуточки у барышни! Встретил бы ее сейчас, не посмотрел бы на пол и внешность, велел бы задрать платье повыше и плетюганов всыпать сполна.

— Дай Бог, сотник, чтобы сие оказалось простой шуткой, — проговорил задумчиво прапорщик. — Сдается мне, что здесь пахнет чем-то гораздо хуже. Знать бы доподлинно чем.

— Верно говорите, ваше благородие, — откликнулся маячивший за спиной сотника

урядник. — Та панночка мне тоже крепко не приглянулась. Особенно после того, як два раза на своего кучера зыркнула. Молодая панночка, а смотрит на него, словно нашкодившая цуцэня на хозяина. Голову под саблю кладу, що вовсе не кучер он ей.

— Ладно, хватит об этом, — резко сказал сотник, вскакивая в седло. — Все мы задним умом богаты. Лучше думайте, как наверстать упущенное время да снова в дурнях не оказаться.

3

Безжалостно нахлестывая лошадей, кучер гнал их до тех пор, пока барышня не обняла его сзади за плечи.

— Отдохни, милый. Страшным русским казакам уже не догнать нас, — ласково проворковала она по-французски.

Кучер придержал коней, сорвал с головы облезлый треух, вытер им вспотевшее лицо. Разогнувшись и

распрямив плечи, этот минуту назад невзрачный мужичонка превратился в стройного, миловидного, с тонкими чертами лица молодого человека с ниспадающими на лоб и уши светлыми волосами.

— Мари, сколько можно повторять, чтобы ты говорила лишь по-русски, — недовольным тоном проговорил он, поворачиваясь к спутнице. — Или еще раз напомнить, где и зачем мы находимся?

— Прости, Мишель, — виноватым голосом произнесла девушка уже по-русски. — Но после встречи с этими ужасными казаками у меня все вылетело из головы. Насколько ты оказался прав, когда предупредил о возможной погоне и решил затеять этот маскарад.

— Просто я хорошо знаю нашего противника, Мари. Он не так глуп, как считают наши маршалы и генералы. Мы не могли уже столько дней находиться в русском тылу и не вызвать подозрений. Особенно после того, как были вынуждены заменить свои непригодные для

здесь, у развилки, представилась возможность проверить это предположение. Я догадывался, что преследователи обязательно станут ломать голову над тем, какую из дорог мы выбрали, и наверняка будут расспрашивать о нашем обозе встречных. Этими столь нужными им очевидцами мы с тобой, Мари, и стали.

— Милый, но как хорошо русские осведомлены о нас! А тебя словно видели в лицо.

— Страшно не это, Мари, а то, что они почти догнали нас. Правда, нам с тобой удалось пустить их по ложному следу и выиграть этим несколько часов.

Со счастливой улыбкой на лице девушка теснее прижалась к спутнику, стала перебирать пальцами пряди его волос.

— Не зря твой дядя-генерал направил нас с этим солдафоном-капитаном, ты один

стоишь больше его эскадрона. А как я рада, что ты, Мишель, взял меня с собой. Я так давно не видела тебя! С начала нашего знакомства еще никогда мы так надолго не разлучались.

— Ты права, Мари. С тех пор, как три года назад в холодном Петербурге молодой француз, учитель танцев, познакомился с хорошенькой соотечественницей-гувернанткой, мы всегда были вместе. Лишь война заставила нас на время расстаться.

— Милый, но она сделала тебя кавалером ордена Почетного легиона. Его ленточка так тебе к лицу, когда ты в мундире! Разве могли мы мечтать о столь высокой награде за свои труды, когда вдали от нашей милой Франции выполняли все, что она нам приказывала? А сколько мы совершили уже после того, как наша армия вступила в пределы России?

— И все-таки война разлучила нас, Мари. Я так тосковал без тебя, однако смог отыскать лишь совсем

недавно. Ничего удивительного: люди нашей профессии чаще всего не принадлежат самим себе.

— Зато после этого мы не расставались. Ты даже сейчас настоял, чтобы дядя разрешил нам обоим отправиться за обозом. Как я счастлива, Мишель... — и девушка, закрыв от избытка чувств глаза, уткнулась лицом в густые волосы на затылке мнимого кучера.

— Я тоже, дорогая, — ласково проговорил тот, осторожно освобождаясь от объятий. — Однако необходимо торопиться. Капитан ждет нас, а казаки скоро вновь будут на верном пути...

Выслушав лейтенанта, капитан долго молчал, уставившись отсутствующим взглядом в пламя костра.

— Как быстро русские опять станут для нас реальной угрозой? — наконец спросил он.

— К сожалению, слишком скоро.

Правда, нам удалось выиграть у них несколько часов, но нас преследуют казаки, которым неизвестна усталость. Уверен, сегодня к

вечеру мы будем иметь честь познакомиться с ними поближе. Если, конечно, не примем к тому времени каких-либо решительных мер.

— Решительные меры — это крайний случай, лейтенант, — назидательно заметил капитан. — Я послан сюда не сражаться с русскими, а спасти от них золото и драгоценности Франции. Чтобы избежать ненужного риска и обхитрить противника, со мной отправлены вы, которые, по словам вашего дядюшки-генерала, весьма умны и сообразительны. Я уже не говорю о прочих достоинствах, которыми должен обладать ваш компаньон по ремеслу, — язвительно усмехнулся капитан. — У вас нет желания делом подкрепить столь лестную характеристику дядюшки? Тем более что после возможной встречи с казаками такого случая уже может не представиться.

Лицо лейтенанта вспыхнуло от негодования, однако он сумел сдержаться.

— Что можете предложить вы сами, капитан?

— Чтобы предлагать, необходимо хорошо знать местность и обстановку, в которой находишься. А со здешними жителями разговариваете лишь вы. Так что все козыри в ваших руках.

— Именно поэтому я настаиваю на решительных мерах. Обмануть казаков снова, как это произошло у развилки, вряд ли удастся. Любые другие подобные полумеры могут лишь задержать их, но не избавят нас от погони. Поэтому нужно устроить русским большое кровопускание, которое надолго отобьет у них охоту к преследованию. У меня есть план, как сделать это.

— Довольно интересно, — с иронией произнес капитан. — Внимательно слушаю.

Лейтенант огляделся по сторонам, вытащил из кучи сваленного возле костра валежника тонкую ветку. Провел ее концом по снегу между собой и капитаном линию.

— Это зимник, по которому мы скачем, в десятке верст от нас его пересекает небольшая речушка. Что интересно, ее питают воды подземных теплых источников, которые не дают ей замерзнуть даже в лютые морозы. Поэтому ее берега представляют сейчас непролазную грязь, и в самом узком месте между ними переброшен мост, по которому проходит зимник. Если его уничтожить... — лейтенант сделал паузу, с улыбкой взглянул на собеседника.

— ...то казаки восстановят его в течение нескольких часов, — спокойно продолжил тот. — А если прибегнуть к помощи местных крестьян — и того быстрее. Вы называете это решительной мерой? — Вы полностью лишены воображения, капитан, — с оттенком жалости заметил лейтенант. — Признаюсь, я ожидал другого ответа. Хотя бы такого... Чтобы восстановить мост, казаки спешиваются, начинают валить деревья, разбредаются по берегу. И совершенно случайно

обнаруживают оставленные нами в кустах или на санях те бочонки с наливкой, которой нас угостили в монастыре. Казаки — самые большие в русской армии любители выпить, поэтому моментально осушат бочки до дна. И вот на эту полупьяную толпу, занятую рубкой деревьев и работами на мосту, мы внезапно совершаем нападение... причем предварительно оставив казаков без офицеров. Если умело провести подобную операцию, можно навсегда избавиться от погони. Как нравится мой план, капитан? — прищурился лейтенант.

— Заманчиво, но... К примеру, как вы собираетесь вывести из строя русских офицеров? — поинтересовался собеседник.

— Очень просто. Вы недавно многозначительно упоминали о «прочих достоинствах» моего компаньона, однако, как мне кажется, имеете о них в действительности весьма смутное или превратное представление. Наверное, потому что не

представляете их в полной мере. Возьмем такой факт. Мари очень боится попасть в плен, отчего постоянно носит при себе в перстне яд. Уверен, что там доза, способная убить лошадь. Вот я и уговорю ее поделиться ядом с парой-тройкой русских офицеров. — Для этого необходимо попасть в их общество. А она раскрыла себя в обмане у развилки.

— Пустяки. Всякая женщина, особенно молодая, — великая актриса. Несколько часов назад Мари прекрасно сыграла роль русской провинциальной кокетки. Почему в следующий раз ей не предстать перед той же публикой уже деревенской старухой?

— Не лучше ли будет отравить всех казаков, а не только офицеров?

— Увы, это невозможно по двум причинам: не хватит яда и придется распечатать бочонки, что может вызвать подозрение русских. Итак, принимаете мой план или нет?

— Вы уверены, что компаньонка справится со столь сложной и

ответственной задачей?

С тяжелым вздохом лейтенант отвел взгляд в сторону. Он уже привык, что подавляющее число армейских офицеров имели о людях его профессии самое отдаленное представление, отчего в большинстве случаев относились к ним с известной мерой пренебрежения. Эти офицеры привыкли считать, что славу Франции составляют лишь победы ее оружия на полях брани, совершенно упуская из виду, что эти победы не в последнюю очередь были подготовлены именно неизвестными им разведчиками.

Деятельностью французской разведки руководил лично Наполеон, которому принадлежали знаменитые слова: «Всякий генерал, действующий не в пустыне, а в населенном крае, и недостаточно осведомленный о противнике, — не знаток своего дела». Непосредственными помощниками императора по вопросам разведки являлись министр иностранных дел Маре и маршал

Даву. Французская секретная служба провела ряд успешных операций против Италии, Германии, Австрии. Начало ее тайной войны против России относится к первым месяцам 1810 года, когда с этой целью было создано специальное разведывательное бюро во главе с французским резидентом в Варшаве Серрой, которого позже сменил дипломат и историк барон Биньон. Руководитель бюро подчинялся лишь трем людям в империи: Наполеону, Маре и Даву. Главнейшими задачами, поставленными перед бюро императором, являлись военный шпионаж против России, перлюстрация и перевод захваченных бумаг и документов, допрос пленных и дезертиров. Агенты бюро развили бурную деятельность. Они следили на дорогах за передвижениями русских войск, определяли места их дислокации, наблюдали за строительством крепостей, оценивали состояние дорог, по которым в центральную часть России

могли быть переброшены войска, занятые пока войной с Турцией. Перед наиболее опытными и квалифицированными агентами ставились более широкие задачи: сбор информации о настроениях населения в русских приграничных губерниях, изучение структуры местных органов власти, продовольственные возможности данных регионов, географические и топографические сведения о бассейнах рек Двины и Днепра. Агентам бюро удалось выкрасть гравировальные доски русской «столистовой» карты, ее надписи были переведены на французский язык. Кстати, именно ею пользовался наполеоновский генералитет во время войны 1812 года в России. Агентами бюро были собраны подробнейшие данные о наиболее талантливых 60 генералах и 40 старших офицерах русской армии, среди которых значились фамилии Кутузова, Баркляя-де-Толли, Милорадовича, Дохтурова,

Каменского, Уварова, Тучкова, Кульнева. В декабре 1811 года Даву потребовал от Биньона, чтобы его люди завербовали в качестве агентов «офицера русского главного штаба, руководителя военной администрации, старшего казачьего офицера». Но, увы, подобное желание так и осталось на бумаге. Согласно данным одного из высокопоставленных французских разведчиков Савана, «патриотизм русских делал случаи подкупа военных или гражданских лиц весьма редкими». Не имея возможности задействовать агентуру из местного населения, Биньон пользовался услугами своих соотечественников и других западных европейцев, засылая их в Россию под видом артистов, монахов, путешественников, учителей, отставных русских офицеров. Однако не дремала и русская контрразведка. Уже с 1810 года она начала вести активную борьбу с французской агентурой, причем ее деятельность курировал лично глава

военного ведомства
Барклай-де-Толли. В Вильно
оказались арестованными русской
контрразведкой поручик
Дранженевский, при котором были
обнаружены сведения о русской
армии, и купец Менцель,
использовавшийся как агент связи.
В Смоленске был взят под стражу
французский резидент Ружанский, на
Дону в станице Калачинской —
французский полковник-штабист
Платтер, который с двумя другими
агентами под видом отставных
русских офицеров совершал
разведывательные поездки от Москвы
до Архангельска. Были обезврежены
десятки иных агентов, рангом
помельче, велись розыски многих
других, уже разоблаченных, но еще
не арестованных. Больше того,
русская контрразведка сама перешла
в наступление, навязывая французам
собственную «игру». Так, в начале
1811 года ею был раскрыт крупный
наполеоновский разведчик Саван,
который был перевербован и затем
почти два года поставлял ведомству

Биньона дезинформацию, подготавливаемую русским главным штабом.

Одним из французских агентов, направленным задолго до войны в Россию, был теперешний лейтенант. Уже в Петербурге, где он проживал под видом учителя танцев, ему удалось привлечь к своей тайной деятельности

соотечественницу-гувернантку Мари, которая со временем стала его незаменимой помощницей. Зная Мари немалый срок, хорошо изучив ее сильные и слабые стороны, Мишель достаточно четко представлял, на что она способна...

Подняв голову, лейтенант спокойно произнес:

— Капитан, я уверен в ней больше, чем в любом из ваших подчиненных. А может быть, даже чем...

Он не договорил, однако капитан понял смысл недосказанного.

Побледнев и закусив губу, он какое-то время молчал, затем хмуро бросил:

— Я должен подумать. Ответ

получите у моста...

Стоя у разрушенного моста, прапорщик уныло смотрел на разбросанные взрывом далеко в стороны доски настила, на догоравшие бревна. Мост был переброшен между высокими, крутыми берегами в месте, где они ближе всего подступали друг к другу. Но даже здесь расстояние между берегами составляло не меньше ста-ста двадцати саженьей.

Протекавшая внизу речушка была неширокой и мелкой, однако ее незамерзающая вода разлилась во всю ширь от берега до берега, превратив это пространство в сплошное месиво из грязи, наполовину растаявшего снега и торчавших, точно копья, стеблей сухого прошлогоднего камыша. Вода в реке была мутновато-желтой, слегка пузырившейся у поверхности, а на морозе словно дымившейся. От речушки даже на расстоянии несло сладковатым, резко удушливым запахом. Преодолеть такую преграду без моста нечего было и мечтать, а

он виднелся рядом на две трети разрушенным и сожженным. Вздохнув, Владимир Петрович направился к расположенному невдалеке от моста пригорку. На нем стояло несколько изб с хозяйственными постройками, обнесенных со стороны леса и подступающего к зимнику болота изгородью из жердей. В одной из изб прапорщика поджидал за столом сотник.

— Казаки говорят, что работы не меньше, чем на четыре часа, — сообщил Владимир Петрович сотнику, занимая за столом место рядом с ним.

— Знаю. Но разве есть иной выход? По воздуху не полетишь, вброд тоже не переберешься, только лошадей стубишь. А подаваться в обход, не ведая толком здешних мест, дело рискованное: угодишь из огня в полымя. Вот и придется ждать, пока хлопцы какой-нибудь захудалый настил сварганят. Главное, чтоб он коней выдержал. На лежанке большой русской печи,

занимавшей добрую половину избы, слышались стоны, вздохи. С нее свесились ноги в стоптанных валенках, после чего на пол с кряхтением и причитаниями спустилась тощая сторбленная старуха с закутанным теплым платком лицом и одетая в потрепанный, явно не по росту зипун. Волоча за собой нестигающуюся правую ногу и опираясь на клюку, она доковыляла до стола, тяжело плюхнулась на лавку.

— День добрый, мать, — приветствовал ее сотник. — Вижу, ты здесь одна. А где остальные? — Ушли все, касатик, — нараспев, сильно гнусавя, ответила старуха. — Как понаехали эти... французы... все и побежали от них в лес. А чего мне страшиться и от кого хорониться? Никому, кроме Господа, я уже не нужна.

— Что делали здесь неприятели? — поинтересовался прапорщик

— Поначалу про зимник и тракт спрашивали, потом мост

порушили. Чем только он им, басурманам, не по душе пришелся?

— Много их было?

— Немало, сынок, одних саней невесть сколько прикатило. Трое из них басурманы у нас на подворье даже позабыли.

— Что? Позабыли? — встрепенулся прапорщик. — Где они сейчас?

— Небось там, где их оставили за ненужностью или в спешке. Вон за тем сараюшком приткнулись, коли их ваши соколики уже в другое место не перетащили, — и старуха указала пальцем в маленькое подслеповатое окошко.

Действительно, за указанным старухой сараем стояли трое саней, доверху нагруженных бочонками.

— Осмотреть все до единого, — приказал прапорщик уряднику. — Скажи казакам, пусть ищут на них знак: два маленьких цветочка. За каждый такой бочонок плачу по рублю серебром.

Однако, несмотря на старания казаков, ни одного бочонка с лилиями обнаружить не удалось.

Приказав для верности все их распечатать, Владимир Петрович убедился, что бочонки наполнены только порохом. Но если осмотр оставленных французами саней и их поклажи прапорщика заметно раздосадовал, то урядника, наоборот, привел в неопиcуемый восторг. Довольно щуря глаза и потирая от радости нос, он наклонился к уху офицера, доверительно шепнул:

— Дурни эти францы, ваше благородие. Забыли возле саней со страху наливку, коей их в святой обители одарили.

Прапорщик, поглощенный совсем другими мыслями, с недоумением взглянул на урядника, равнодушно пожал плечами.

— Зачем она им? Только лишняя тяжесть и морока. У французов сейчас головы об ином болят.

— Ничего, пускай напоследок поболят, недолго осталось. Догоним — совсем без голов оставим. А що прикажете с наливкой делать, ваше благородие? — спросил урядник, с

нескрываемым вожделением
поглядывая на монастырские
бочонки.

— Откуда я знаю? Спроси у сотника.
Командир сотни, не посвященный
Владимиром Петровичем в тайну
французского обоза, а потому не
проявивший ни малейшего интереса к
оставленным на подворье саням,
спокойно сидел в избе на прежнем
месте. Старуха услужливо
расставляла перед ним на столе
нехитрую крестьянскую снедь.

— Откушай, родимый. Небось устал и
проголодался.

Остановившийся в дверях урядник,
желая привлечь к себе внимание,
громко кашлянул.

— Доброй вечери, пан сотник, —
проговорил он, когда офицер кинул
в его сторону взгляд. — Уж больно
хороша закуска! Под такую не грех
и чарку пропустить, особенно в
непогоду.

— Верно, друже! Где только ту
чарку взять?

— Сыщем, пан сотник, — широко
ухмыльнулся казак. — Францы

бросили на подворье у саней пять бочонков наливки, коей разжились недавно в монастыре. Не знаю, как в обители насчет святости, а в наливках там разбираются добре: сам пробовал и убедился.

Командир сотни мгновенно повеселел, махнул уряднику рукой. — Тащи бочонок сюда. А еще один отправь хлопцам, что в лесу да на мосту возятся. Пускай маленько согреются изнутри.

Владимир Петрович тронул офицера за локоть.

— Может, не стоит связываться с сим зельем? Ведь оно побывало в неприятельских руках. А один бочонок распечатан и даже начат... Всякое может случиться.

— Никак нет, ваше благородие, ничего, кроме услады, быть не может, — тотчас откликнулся от двери урядник. — Я самолично осмотрел все бочонки и заверяю, що четыре из них, как из монастырских подвалов... не повреждены, по звуку наполнены доверху, на затычках нетронутые монастырские печати.

Так що можете пити смело, пан сотник: я в этих делах толк разумею и никогда не подведу, — уверенно заявил он. — А сомневайтесь, готов немедля вкусить зелье из вашего бочонка первым. Коли жив останусь, пейте следом.

Однако командир сотни, истинный казак и потому любитель выпить не меньше подчиненного, уже не слушал его.

— Мать, — обратился он к старухе, — найди-ка нам из чего хлебнуть монастырского дара. Да и лучка принеси на стол побольше: с салом он пойдет на закуску за милую душу.

— Сейчас, родименький, сейчас, — засуетилась старуха, быстро шныряя по избе глазами в поисках посуды. — Куда все запропастилось, с глаз сгинуло?

— Ты что, мать, совсем ослепла? — удивился сотник. — Кружки рядом, вон у тебя под рукой.

— Вправду, сынок, — обрадовалась старуха. — Спасибо, что подсказал,

совсем слаба глазами стала. Сейчас и лучку найду.

— Чего его искать? — с раздражением проговорил от дверей урядник, крайне болезненно воспринимавший все, что оттягивало наступление желанной для него минуты. — Он завсегда в сенях на стене связками висит. Проходи, бабка, — и он посторонился, чтобы пропустить женщину в сени. — Щось совсем ты не в ладах с памятью. Старуха, торопясь прошмыгнуть мимо казака, зацепилась волочащейся ногой за косяк и наверняка распласталась бы на полу, не подхвати ее урядник вовремя за плечи.

— Спасибо, миленький, спасибо, — прошамкала старуха, с неожиданной для своего возраста силой вырываясь из рук казака и моментально исчезая в сенях.

Урядник, оставшись один, оторопело вытаращил глаза, несколько раз с присвистом потянул носом воздух. На его лице отразились смятение и растерянность. Однако голос

сотника быстро вернул его к действительности.

— Чего застрял в дверях? Тащи бочонок живей!

— Зараз, пан сотник! — обрадовано воскликнул урядник, поворачиваясь к выходу.

Но с улицы, загораживая двери, входили несколько казаков. Один, косясь на старуху, что-то зашептал уряднику на ухо, после чего тот незамедлительно подошел к офицерам.

— Пан сотник, хлопцы нашли в лесу порубанных людей. Мужики, бабы, детишки — всего восемь душ.

Наверное, здешние, що мыслили от францев в чащобе схорониться.

Казаки решили предать тела земле и спрашивают, надобно ли кликать на погребение старуху. С одного боку глянуть, среди убитых могут быть ее родичи, с другого — как бы она от дряхлости и волнения сама при похоронах Богу душу не отдала.

— Скажи казакам, чтобы подождали меня, — опережая казачьего офицера, ответил уряднику

прапорщик и повернулся к сотнику. — Извините, что распорядился вместо вас, однако обстоятельства вынуждают меня к осторожности и быстроте действий. Ввиду этого прошу вас тоже выйти со мной на подворье,

— Какого лешего я не видывал на морозе? — недовольно пробурчал командир сотни. — Как будто нельзя здесь все обговорить.

— И все-таки прошу вас выйти, — настойчиво повторил прапорщик. — Даже не прошу, а настоятельно требую.

Набросив на плечи бурку, сотник в сопровождении урядника не спеша последовал за Владимиром Петровичем, который вышел на улицу первым и уже беседовал с пришедшими казаками.

— Убиенных восемь, двое вовсе младенцы-несмышлениши, — рассказывал один из черноморцев. — Лежат на берегу в камышах, а сверху на скорую руку валежником закиданы...

— Как одеты? — перебил его

прапорщик.

— Кто во что. Мужики в рубахах, бабы в сарафанах, детишки вообще босые. Видать, не дали им францы перед смертью даже как следует одеться.

— Вокруг изб и в лесу никаких людских следов не встречали? Может, кому-то удалось ускользнуть от французов?

— Чего не видели, ваше благородие, того не видели. Да и как убежать можно было? Их как вывели всех разом, так и порубали у болота в одночас. К чему подобное злодейство?

— Ступайте и похороните убитых по христианскому обряду, — сказал прапорщик. — И поторопитесь с починкой моста.

Когда казаки ушли, Владимир Петрович с непонятным сотнику возбуждением быстро заговорил:

— Слышали? Казаки убеждены, что здешние обитатели не разбежались и не прятались, а были уведены французами из своих жилищ.

Представьте, эта же мысль пришла в

голову и мне, однако потом старуха уверила нас в их бегстве. Но, помилуй Бог, кто же бежит зимой в лес полуголым неизвестно на какой срок да с босыми детьми? Набросить на плечи зипун или шубейку дело секунды, а верхняя одежда якобы сбежавших по избам... Потом, от чего им бежать? Французы в шубах или плащах, один из них прекрасно говорит по-русски, поэтому их отряд везде сходит за наш. Скрывать свою численность или наличие обоза неприятелям нет смысла: они знают, что мы осведомлены о них полностью. Зачем же им понадобилась сия нелепая жестокость, тем паче, что это первый случай ее проявления? Получается, убитые были им в чем-то опасны или могли стать таковыми в дальнейшем. Но ежели по какой-то неясной для нас причине французы решили отправить всех жителей на тот свет, почему оставили в живых сию старуху? Не нашли на печке? Сомневаюсь. А может, наша встреча с ней один на

один им и требовалась, а другие обитатели могли ей помешать? Но чего с помощью старухи они могли надеяться достичь? — в раздумье проговорил прапорщик. — Какая-то несуразица получается.

Сотник потрогал усы, потер подбородок.

— Действительно, слишком мудрено. Хотя, по правде сказать, бабка мне тоже не нравится. Не может сыскать в собственной избе чашки, не ведает, где лук хранится. Да и как она могла узнать про оставленные французами за сараем сани?

Уверяет, что весь сегодняшний день с лежанки не спускалась, но ведь с печи сарая-то не видать. Даже если подглядывала за неприятелями в окошко, то из него заметен лишь угол сарая, но никак не место, где стоят сани. Выходит, французы сами сказали бабке про оставленные пожитки? Вряд ли... Как ни кинь, а старуха что-то не договаривает или хитрит. Но для чего? Может, совсем из ума выжила? Непохоже... Верно, прапорщик, не все чисто с нашей

бабкой получается, — согласился с выводами Владимира Петровича казачий офицер.

— Да не бабка она, — вступил в разговор урядник, поочередно водя глазами с прапорщика на командира сотни. — Когда она споткнулась о косяк и я подхватил ее, то поневоле облапил. Поскольку зипун на ней худой и драный, то угодил левой рукой в прореху и провел пятерней по телу. И нащупал застёжки и пуговики, що держат этот... как его... — от умственного напряжения урядник даже сморщил нос, —... ну, амуницию, що брюхо у баб скрадывает и груди на весу для пущей красоты и нашего соблазну держит. Я с такими штучками еще в седьмом году у австриячек добре ознакомился.

— Корсет? — подсказал прапорщик.

— Он самый, — обрадовался черноморец. — А когда я удержал старуху и снова на ноги поставил, ейная голова как раз супротив моего носа очутилась. И от бабки пахло точно так, как от вчерашней

барышни, що нас в обратную от францев сторону направила.

— Нашел чем удивить, — фыркнул сотник. — От всех баб временами одинаково пахнет. Сам должен знать, не дите малое.

— Знаю, — обидчиво поджал губы урядник. — Только от нашей хозяйки и той барышни совсем иной дух исходил... цветочный. Кругом зима и снег лежит, а от них, словно от майского луга, свежестью веет. У австриячек тоже подобная вода имеется, що круглый год цветами пахнет. Запамятовал лишь, как именуется...

— Духи? — снова подсказал прапорщик

— Вот-вот, они самые. Поначалу сей корсет и цветочный запах меня на нехорошую думку навели, а потом из головы все начисто вылетело. Какая думка в ней удержится, коли выпивка рядом?

— Что будем делать? — посмотрел на командира сотни Владимир Петрович. — После нашего разговора старуха мне совсем правиться

перестала.

— Чего мудрить? — вскинул брови черноморец. — Сдерем с нее зипун да платок и проверим, что под ними. Коли хозяйка не бабка, заставим все начисто выложить.

— А если откажется? — предположил Владимир Петрович.

— Припугнем. Сначала приставим пистолет к носу и предложим все рассказать по-хорошему.

Заупрямится — велю для стоворчивости пяток плетюганов всыпать. Средство надежное и проверенное.

— Может, покуда не трогать, а тайком присмотреть за ней? Ведь не закуску готовить ее здесь оставили, а с каким-то враждебным для нас помыслом. Рано или поздно она его выдаст.

— Зачем понапрасну рисковать и дорогое время переводить? Покуда мы за ней присматривать станем, она подождет незаметно запальный шнур к паре бочек с порохом, которые где-либо в углу или в подполе припрятаны, и сбежит в

лес. Через пяток-другой минут она с дружкой-кучером обниматься и миловаться будет, а мы с тобой вверх тормашками на небеса лететь. Правду из нее немедля трясти следует, покуда она никакой шкоды нам не учинила.

— Что ж, сотник, пожалуй, вы правы, — согласился прапорщик. Войдя в избу, казачий офицер сразу направился к возившейся у стола подозрительной особе, неожиданным рывком смахнул с ее головы платок. Тотчас длинные, каштанового цвета волосы хлынули потоком на плечи мнимой старухи и перед глазами мужчин предстало лицо красивой, совсем еще молодой женщины. Ее нос, часть лба и щек, которые невозможно было спрятать под платком, оказались настолько умело загримированы, что двадцатилетняя красавица выглядела дряхлой старухой.

— Прошу знакомиться, прапорщик, — весело проговорил сотник, указывая на пленницу. — Перед вами очаровательная барышня, которая

вчера заставила нас отмахать попусту не один десяток верст. Только что-то быстро ты состарилась, красуля, — с улыбкой обратился казак к женщине. — Ничего, надеюсь, память у тебя осталась прежней и ты сейчас расскажешь, куда подевались твои дружки-французы и что заставило такую милашку обрядиться в чужие лохмотья. Мы ждем...

Но французенка, еще не пришедшая в себя после столь быстрой и внезапной перемены в своем положении, лишь часто моргала длинными ресницами и со страхом смотрела на черноморца.

— Молчишь? — недобро прищурился сотник. — Или снова какую-либо байку для отвода глаз сочиняешь? А ну, выкладывай без утайки: где обоз и зачем оставлена здесь?

Выхватив из-за пояса пистолет, он приставил его ко лбу пленницы, однако Владимир Петрович тотчас отвел оружие в сторону и слегка поклонился женщине.

— Сударыня, мой товарищ

погорячился. Как русский офицер и дворянин обещаю, что в отношении вас не будет применено никакого насилия. Но отвечать на вопросы, задаваемые нами, настоятельно советую для вашего же блага. Как настоящего, так и дальнейшего. Мари уже пришла в себя и сейчас лихорадочно оценивала обстановку. Бежать в данной ситуации было невозможно: рядом стоял сотник с пистолетом в руке, единственное окошко заслонял прапорщик, а в дверях застыл огромный нахмуренный казак с ружьем наизготовку. Значит, для побега нужно было выбрать более подходящее время, а для этого следовало пережить самое ужасное – предстоящий допрос. Правда, прапорщик заявил, что к ней не будет применено никакого насилия, но что значат на войне какие-то слова? Тем более что казачий офицер старше по чину и, главное, в его руках реальные власть и сила: несколько десятков страшных, вселяющих ужас даже своим внешним видом казаков.

Откажись она отвечать или скажи неправду, кто знает, как развернутся события дальше? Что значит честь и даже жизнь молоденькой хорошенькой женщины-пленницы в этой лесной глуши среди толпы далеких от цивилизации и наверняка уже полупьяных мужчин? А любая ее ложь неминуемо вылезет наружу: даже не дождавшись ее сигнала, лейтенант Сези, находившийся сейчас с частью эскадрона невдалеке от нее, обязан все равно напасть на русских. И хотя у нее под рукой надежный перстень с ядом, тем не менее... Почему она должна терпеть насилие и, возможно, расстаться с жизнью? Разве Мари виновата, что русские каким-то образом смогли ее разоблачить и схватить? А отряду лейтенанта Сези ее молчание и смерть не помогут ничем. После ее поимки казаки, без сомнения, примут необходимые меры предосторожности и драгуны Сези в любом случае угодят в их ловушку. Да и какое ей вообще дело до

встреченного первый раз в жизни лейтенанта и его завшивевших солдат? Главное, обязательно остаться в живых и сбежать от русских самой. Лишь тогда она сможет снова встретиться с горячо любимым Мишелем и продолжать вместе с ним путь к счастью.

— Слушаю вас, господа, — сказала Мари, присаживаясь на краешек лавки. — Что вам угодно знать?

— Куда намерен двигаться обоз от моста: по зимнику или в направлении тракта? — не замедлил последовать вопрос прапорщика.

— Это знает только капитан, начальник отряда. Он один принимает решения и не терпит ничьего вмешательства в дела. Иначе всякая тайна, по его мнению, перестает быть ею.

— Он целиком прав, — сказал Владимир Петрович, отметив про себя, что точно из этих соображений он не посвятил в тайну французского обоза никого из своих спутников. — Но зачем оставлены здесь вы, сударыня, нам, надеюсь,

будет позволено узнать?

— Капитан специально приказал оставить вместе с санями монастырское вино. Когда казаки должны были перепиться, от меня требовалось подать условный сигнал для нападения на ваш отряд. С этой целью половина наших солдат осталась невдалеке от моста на этой стороне реки и сейчас ждет моего сигнала.

— Где они? Каков сигнал для нападения?

— В полуверсте отсюда у зимника начинается глубокий, заросший лесом овраг. В нем с полудня прячутся шестьдесят наших людей во главе с лейтенантом Сези. Из оврага хорошо виден этот пригорок, и когда я выставлю в окне свечу, она будет служить сигналом для налета.

— Вы можете провести нас к означенному оврагу?

— Увы, господа, я никогда не видела его. Все, что рассказала вам, мне известно со слов капитана.

— Тогда последний вопрос. Здешние обитатели были умерщвлены потому, что в противном случае исключалась наша с вами встреча у моста?

— Да. И потому, что они могли сообщить вам, что половина нашего эскадрона не переправилась через реку, а ускакала назад. Ведь об овраге нам стало известно как раз от местных жителей, когда мы выдали себя за русских солдат.

— Разговор окончен, сударыня. Вам осталось одно: подать в овраг условный сигнал.

Встав с лавки, Мари взяла со стола горящую свечу, подошла к окошку. Медленно переместила огонек свечи вначале из верхнего правого угла в нижний левый, затем наоборот, капнула с кончика свечи на подоконник расплавленным воском, укрепила в нем свечу. Отступила от окна.

— Я сделала все, что вы хотели, — обратилась она к прапорщику. — Надеюсь, за это мне будет оказано снисхождение?

— Да, если вы были с нами

откровенны. А это мы сейчас проверим, устроив достойную встречу вашим соотечественникам из оврага. Пока же вам придется остаться здесь. Урядник, позаботьтесь о надлежащей охране сей особы.

4

Опустив голову и прикрыв глаза, Мари неподвижно сидела на лавке до тех пор, покуда не затих вдали стук лошадиных копыт. Лишь когда на мосту вновь застучали топоры и завизжали пилы оставленных для продолжения восстановительных работ казаков, она подняла голову, внимательно огляделась. Урядник позаботился о ее охране на совесть: один часовой находился внутри избы у порога, другой с ружьем на плече мерно вышагивал взад и вперед за единственным окошком. Однако страж снаружи Мари не волновал: бежать она собиралась через дверь и уже до мельчайших подробностей продумала план

предстоящего побега.

Громко скрипнув лавкой, чтобы привлечь внимание часового, француженка поднялась, медленно направилась к двери. Казак, сидевший с ружьем на коленях у порога на опрокинутой вверх дном деревянной бадье, перестал дымить трубкой, насторожился.

— Господин казак, — робко произнесла Мари, останавливаясь перед черноморцем и застенчиво улыбаясь. — Разрешите выйти во двор. У меня болит живот... Надеюсь, вы понимаете меня?

— Никуда пускать не велено, — отрубил черноморец, снова суя в рот трубку и затягиваясь дымом.

— Но мне необходимо выйти... крайне необходимо. Это не прихоть, а естественная потребность, — начала объяснять Мари. — Не могу же я делать... это... в избе перед иконами. Вы ведь тоже христианин, господин казак. Позвольте выйти хоть в сени.

Заискивающе улыбаясь часовому, Мари осторожно нащупала под

зипуном рукоять короткого, остро отточенного кинжала, спрятанного среди старушечьих лохмотьев. Наивные, доверчивые русские! Они даже не удосужились или посчитали излишним обыскать ее! Решили проявить благородство по отношению к женщине? А может, глупцы, поверили в чистосердечное раскаяние пленницы и перестали считать ее опасной? Как бы там ни было, в настоящий момент Мари имела при себе оружие и ради собственного спасения была готова на все. Неизвестно, что больше подействовало на казака: упоминание об иконах или смиренный и дрожащий голосок хорошенькой пленницы, однако он смягчился. — Ладно, ступай в сени, — добродушно пробасил он. — А я покуда покараулю со двора. Опираясь обеими руками на ружье, казак начал приподниматься с бадьи. Воспользовавшись этим обстоятельством, француженка выхватила из-под зипуна кинжал и вонзила его в горло часового.

Захрипев, тот рухнул на колени, его правая ладонь потянулась к поясу, за которым торчали два пистолета. Но у Мари недаром заранее была учтена и продумана каждая деталь! Схватив упавшее ружье за ствол и коротко размахнувшись, она опустила приклад на голову часового, прежде чем тот успел вытащить из-за пояса пистолет. Казак тяжело свалился на пол, а французженка торопливо взглянула на окошко, прислушалась. Вокруг было спокойно: наружный страж все также вымерял шагами расстояние от одного угла избы до другого; на мосту, не переставая, стучали топоры и визжали пилы. Сбросив старушечий зипун, Мари накинула на плечи висевшую на стене избы длинную меховую шубу, сунула в ее карманы оба казачьих пистолета, отворила дверь в сени. Мгновенье — и легкая, едва заметная в лунном свете фигура юркнула в подступивший вплотную к избе лес...

С французами, затаившимися в

овраге, было покончено гораздо быстрее и проще, чем предполагал Владимир Петрович. Опасаясь не найти в темноте на незнакомой местности нужный овраг, казаки устроили засаду сбоку зимника, невдалеке от моста, и вскоре заметили следующий в их направлении конный отряд. Когда приблизившиеся французы оказались между болотом и спрятавшимися за деревьями казаками, сотник хотел было дать команду открыть огонь, однако в последний момент передумал.

— Прапорщик, предложи им сдаться, а не доводить дело до кровопролития. Признаюсь: рука не поднимается на эту дохлятину.

Высунув голову из-за дерева, Владимир Петрович громко крикнул по-французски:

— Солдаты! Ваша лазутчица разоблачена и находится в наших руках! Вы окружены! Считаю до трех, и кто за это время не сложит оружия, будет уничтожен! Раз... Он не успел сказать даже «два»,

как драгуны начали останавливать лошадей и торопливо швырять на дорогу оружие. Наскоро допросив лейтенанта Сези, от которого не удалось узнать о планах капитана и маршруте обоза ничего нового, пленных французов под конвоем десятка казаков отправили в ближайшую деревню, приказав сдать их под расписку старосте. Однако радость от бескровной победы на зимнике по возвращении к мосту была омрачена известием о побеге задержанной лазутчицы.

— Ну и ляд с ней, — беспечно махнул рукой сотник. — Главное, что часовой жив остался и теперь на всю жизнь запомнит, что бабе нельзя доверять ни при каких обстоятельствах. Да и зачем нам пленница? Обоз с ее помощью мы уже оставили с половинной охраной, в его дальнейшем преследовании она не смогла бы содействовать ничем. Пускай пошляется пешочком по лесам и сугробам! Не захочет волкам на корм пойти, сама в плен прибежит. — Это страшная женщина, — заметил

прапорщик. — Уверен, что ранение часового — не последнее зло, которое ей суждено нам причинить. Но забудем о ней. Прежде всего необходимо заняться мостом. Ведь каждый час, что мы сейчас теряем, приближает французов к их войскам. — Сотня настолько вырвалась вперед, что скоро не мы за французами, а они за нами гоняться станут. Поэтому обоз надобно отбивать как можно скорее. Однако разрушенный мост для нас что кость в горле.

— А если попытаться перебраться на тот берег вброд? — кивнул прапорщик на раскинувшуюся под остатками моста топь.

— Уже пробовали, — с безнадежностью в голосе ответил командир сотни. — От трясины смердит так, что лошади близко к ней не подходят. Потом, сейчас не лето. К другому берегу по хляби добираться не меньше получаса, а за такой срок при сегодняшнем морозе коней ничего не стоит застудить и на тот свет отправить.

Урядник, сопровождавший командира сотни, словно тень, громко кашлянул, и тот, прекрасно изучивший привычки своего ближайшего помощника, спросил:

— Чего тебе?

— Думка имеется. Верно, в такую погоду коней в болоте стубить можно запросто. Только можно и нет. Що такое добрая наливка?

Истинный клад: при жаре холодит, в мороз душу и тело греет, благодать и отвагу им придает. Так не пожалеем ее для нужного дела.

Разотрем ею коней как следует, дадим маленько самим хлебнуть, щоб храбрей стали и болотного запаха вонючего не страшились. И двинемся с Божьей помощью на тот берег. Там снова разотрем их наливкой и погоним во весь скок. Такой маневр мы не раз на Кубани и Лабе проделывали, когда в набеги на немирных черкесов ходили. Наши деды этим способом еще на Сечи пользовались.

— Это реально, сотник? — поинтересовался прапорщик.

— Мыслью, что да. На скольких лошадей наливки хватит? — спросил командир сотни у урядника. Тот озабоченно наморщил лоб, засопел носом.

— Сейчас прикину. Один бочонок хлопцы на мосту уже выпили. Жаль, що клятая баба помешала и нам сделать это, — вздохнул он. — Еще один бочонок оставим для казаченек, которые отправятся вброд на тот берег. Чем они хуже коней, щоб трезвыми в болоте мерзнуть и смрад нюхать? А трех оставшихся хватит лошадей на сорок-пятьдесят, — подвел итог собственным рассуждениям урядник. — Напоишь пятьдесят. Чтоб и казакам поменьше досталось, и коням легче на похмелье с непривычки было, — усмехнулся сотник. — Приступай к делу. Владимир Петрович с интересом наблюдал, как полусотня отобранных для переправы казаков старательно растирали тряпками, смоченными в наливке, крупы и ноги скакунов. Как затем урядник, намазав губы

своего коня наливкой, ласково, но настойчиво заставил его облизать их и повторил эту операцию несколько раз. А когда на глазах повеселевший жеребец сам потянулся к мокрой от наливки руке хозяина и принялся жадно слизывать с нее ароматную и сладковатую жидкость, урядник поставил перед ним наполненную хмельным зельем бадью. Через несколько минут цепочка всадников, чьи кони оглашали окрестности неестественно радостным и звонким ржанием, виднелась среди болотной жижи. Впереди рядом с урядником ехал Владимир Петрович, а сотник с оставшимися казаками должен был догнать их после восстановления моста.

— Капитан, за спиной снова казаки, — сообщил Мишель, останавливая коня возле командира отряда.

— Далеко?

— Самое большее — в полчаса хорошей скачки. Нашему арьергарду

удалось ускакать от них лишь потому, что драгуны имели запасных лошадей.

— Сколько казаков?

— Полусотня.

— Плохо. Значит, Сези смог только уменьшить их число, а не избавить нас от погони. Правда, людей у нас примерно столько же: два десятка верхом и сорок возницами на санях. Однако казаки есть казаки, и открытого боя с ними нам не выиграть. Остается одно — опять хитрость. Но на этот раз я сам преподнесу русским сюрприз. Скажите, лейтенант, на сколько саней можно поместить все бочонки с лилиями?

— Думаю, на шесть-семь.

— Постарайтесь уложить на шесть и оставьте в каждой на всякий случай по паре бочонков с настоящим порохом. Как только сделаете это, скачите с шестью санями что есть сил вперед: место условленной встречи с генералом Жювом рядом и вам известно.

— А вы, капитан?

— Пока задержусь здесь. Но думаю, что скоро мы снова будем вместе, — загадочно усмехнулся командир отряда. — А сейчас прикажите остановиться и объявите большой привал. Можно даже распрячь лошадей и развести костры. У Мишеля от изумления глаза полезли на лоб.

— Но ведь казаки... — начал было он, но капитан не позволил ему договорить.

— Выполняйте приказ, лейтенант, — грубо оборвал он Мишеля. — И не забудьте напомнить солдатам, что чем быстрее они перегрузят поклажу, тем скорее смогут отдохнуть...

Проводив глазами шесть тяжело груженных саней, исчезнувших за ближайшим поворотом, капитан подошел к единственному оставшемуся с ним офицеру.

— Жак, я возьму сержанта с парой солдат и осмотрю предстоящий после привала маршрут. Пока не вернемся, никуда не трогайтесь.

Доскакав до изгиба дороги, за

которым их не могли видеть отдыхавшие товарищи, капитан приказал спутникам остановиться и кратко изложил им суть предстоящего дела. Он хорошо знал, кого брать с собой, потому и не услышал в ответ ни одного отказа либо какого возражения. Привязав лошадей к деревьям, капитан с солдатами взобрался на заросший кустарником пригорок, с которого полностью просматривался оставленный ими привал.

— Стрелять только по моей команде, — еще раз напомнил капитан, присаживаясь в кустах на корточки и поворачиваясь лицом к ветру.

Ждать пришлось недолго. Не прошло и десяти минут, как вдали на дороге показалось снежное облачко, превратившееся вскоре в колонну всадников. До слуха капитана донеслись два ружейных выстрела, которыми предупреждали отдыхавших французов об опасности дозорные, после чего к обозу прискакали и они сами. С пригорка было хорошо

видно, как охваченные паникой драгуны стремглав бросились к распряженным лошадям, принялись торопливо запрягать их в сани. Однако капитан предусмотрительно выбрал место для привала в стороне от дороги среди деревьев, приказав поставить сани вплотную друг к другу. Поэтому в поднявшейся суматохе их оказалось не так просто растащить и запрячь. Десяток вскочивших на лошадей французов, решив бросить обоз на произвол судьбы и помышляя лишь о собственном спасении, ринулись напрямик сквозь кусты и сугробы к дороге. Однако было поздно: на ней уже виднелись казаки. Соскакивая на ходу с коней, потрясая в воздухе искрящимися на солнце саблями, они широким полукругом, увязая по колени в снегу, двигались к обозу. От саней и костров навстречу им грянул нестройный залп, трое или четверо русских упали. На этом сопротивление французов прекратилось: побросав оружие, они

подняли руки. Достигнувшие обоза казаки густо облепили сани, стали срывать покрывавшую груз парусину, возиться среди поклажи. Капитан выждал, пока к саням подоспели отставшие казаки, и сбросил с плеча ружье. Удобно устроил ствол в развилке куста, прицелился в ближайшие сани. Повернулся к драгунам, тоже припавшим к ружьям. — Огонь! — и выстрелил первым. Велев поставить сани как можно теснее друг к другу, капитан преследовал две цели. Первая: чтобы взрыв даже единственного бочонка с порохом неминуемо вызвал детонацию не только в своих санях, но и на рядом стоящих. Этот замысел блестяще удался: во время казачьей атаки место привала не смогли покинуть ни одни сани. А два взрыва, грянувших после залпа четверых французов с пригорка, тотчас переросли в бушующее море огня и дыма.

— Урядник, собери уцелевших, — приказал Владимир Петрович, когда

взрывы стихли.

Урядник, который теперь неотлучно находился с прапорщиком и только поэтому избежал участи товарищей, захвативших обоз, не тронулся с места.

— Некого собирать, ваше благородие, — угрюмо пробасил он. — Из всей полусотни остались мы с вами. Не считая тройки хлопцев, що скачут позади в дозоре. А из людей, що оказались возле обоза, ни один не спасся. Ни наш, ни ихний... всех на куски пошматовало.

— Значит, пятеро, — отвечая собственным мыслям, произнес Владимир Петрович. — Маловато, но... Дождемся своих и вперед.

— Вперед? — удивился казак. — Это куда? Ни обоза, ни францев уже нет, все в огне стинуло.

— Нет, не все. Смотри, — и Владимир Петрович указал на слабо различимые санные следы, присыпанные падающим снегом. В отличие от тех, что сворачивали к развороченному взрывами месту

сбоку дороги, эти продолжали бег дальше по зимнику. — Так что, урядник, наш путь еще не закончен. Казак внимательно всмотрелся в следы, присвистнул.

— Хитры францы! Сполна расквитались с нами за мост. Только наших сабель им все едино не миновать.

Дождавшись дозорных казаков, прихватив на каждого всадника еще по скакуну, оставшемуся от погибших товарищей, маленький отряд поскакал по оставленным санями следам. Со сменными лошадьми скорость погони возросла, и вскоре урядник указал прапорщику на окутанную паром кучку свежего лошадиного навоза.

— Догоняем, ваше благородие, — обрадовано сообщил он. — А потому ухо надобно держать востро.

Теперь преследователи скакали не тесной группой, как прежде, а растянулись жиденькой цепочкой. Курки их ружей и пистолетов были взведены, сами конники готовы к любой неожиданности. Урядник не

ошибся: уже за следующим поворотом дороги впереди между деревьями мелькнули силуэты нескольких саней и скакавших рядом с ними французов. Однако была замечена и погоня: санные упряжки сразу ускорили бег, а все всадники переместились в хвост маленького обоза. В их руках появились ружья, и над головами преследователей засвистели пули.

— Шесть саней с возницами и пятеро конных, — подсчитал врагов урядник. — Примерно по паре францев на каждого нашего. Ничего, сдюжим.

Французы, стараясь держать казаков на возможно дальнем от саней расстоянии, вели на скаку частый огонь. Одна из пуль вскоре нашла жертву, и преследователей осталось четверо. Помянувший от злости одновременно Господа Бога и дьявола урядник вихрем подлетел к Владимиру Петровичу, категорически запретившему вести ответную стрельбу. Прапорщик сделал это из опасения, что какая-либо шальная

пуля может угодить в находившийся в санях бочонок с порохом. И в результате случится то, свидетелем чего он недавно оказался, когда от нескольких пуль вмиг исчезли десятки саней и около сотни людей. С тем весьма существенным добавлением, что теперь в пламени и грохоте взрывов будет навсегда уничтожено и бесценное содержимое бочонков с лилиями.

— Надобно давать сдачи, ваше благородие, — прохрипел казак — Иначе перестреляют нас, как куропаток. А за поклажу не тревожьтесь: наш Степан за сотню шагов подкинутую шапку на полном скаку пулей прошивает. И немудрено: покуда в безлошадных числился, не один год в пластунах пешедралом пылюку глотал да вместо сабли кинжал таскал. Владимир Петрович знал, что пластунами именовалась казачья пехота, в своем большинстве состоявшая из станичной бедноты. Не имея средств приобрести отвечающего жестким стандартам

строевого коня, они были лишены возможности служить в конных полках. Прапорщику было известно и то, что пластуны выгодно отличались от обычной армейской пехоты своим непревзойденным умением вести разведку и устраивать засады, никто не мог соперничать с ними также в несении службы сторожевого охранения и искусстве меткой стрельбы. И Владимир Петрович решил рискнуть. — Хорошо. Но предупреди своего пластуна, чтобы стрелял только в конных и наверняка.

Урядник подскакал к одному из казаков, наклонился к его уху. Затем, не обращая внимания на французские пули, они вдвоем вынеслись вперед, дождались сравнительно прямого участка дороги, разом остановили лошадей. Бывший пластун, откинувшись в седле назад, вскинул к плечу ружье и стал медленно водить стволом, насаживая на мушку намеченную цель. Выстрел — и один из французов, взмахнув руками,

повалился наземь. Скакавший рядом всадник замедлил бег коня, нагнулся с седла над упавшим. И тотчас урядник быстро протянул Степану свое заряженное ружье. Еще выстрел — и второй француз рухнул на дорогу. Остальные, оглянувшись на выстрелы и не обращая больше внимания на поверженных товарищей, пришпорили лошадей и спешно догнали обоз.

Два казачьих выстрела, из которых ни один не пропал напрасно, произвели на французов, по-видимому, должное впечатление, потому что они сразу изменили тактику. Пара замыкавших обоз саней остановилась, возницы прыгнули на землю. Спешились и трое уцелевших всадников, двое из которых заняли места в опустевших санях. Сани с новыми возницами снова умчались вперед, а оставшиеся на зимнике пешие французы шмыгнули с дороги за ближайšie деревья, укрылись за ними. И почти тотчас по преследователям оттуда грянул

залп. Забилась на снегу раненая казачья лошадь, урядник, чертыхнувшись, схватился за пробитое пулей плечо. Круто развернув коней, преследователи тоже свернули в лес, соскочили на землю и принялись отвечать французам огнем.

— Плохо дело, — скрипнул зубами урядник. — По дороге теперь не поскачешь — францы мигом на тот свет спровадят. А покуда их перебьем, саней и след простынет. Тем паче, що день к вечеру клонится. Полагаю, ваше благородие, обход шукать надобно. Нехай хлопцы с вражьим прикрытием перестрелку ведут, а мы с вами опять на хвост обозу сядем.

Владимир Петрович огляделся по сторонам, вздохнул.

— Где найдешь этот обход? Слева от зимника — трясина, справа — овраги да бурелом. И обхода не сыщем, и коням ноги поломаем.

— Верно, ваше благородие, самим нечего в лес соваться. Как говорится, не зная броду, не суйся

в воду. Только совсем недалеко я на опушке избенку приметил. Мыслью: лесник в ней обитает. Он и укажет нужную дорогу в обход францев, що преградили нам путь по зимнику. Предложение было разумным, и Владимир Петрович не стал возражать. Вскочив на лошадей и прихватив с собой одну из запасных, он и урядник поскакали по зимнику назад и вскоре очутились у замеченного казаком жилища. Это действительно оказался дом лесника, и его хозяин, крепкий мужик с рыжей бородой по пояс, охотно согласился им помочь. Сунув за кушак топор, он взгромоздился на приведенную для него лошадь, и тройка всадников углубилась в лес. Выросшему в здешних местах и знающему окрестности как собственные пять пальцев леснику ничего не стоило обогнуть стороной звучавшие на зимнике выстрелы и снова вывести спутников уже позади французского прикрытия.

— Может, ударим францам в спину? — предложил урядник, глядя на

прапорщика. — И поскачем вдогонку за обозом вчетвером?

— Нет, — твердо отрезал Владимир Петрович. — Уже начинает темнеть, поднимается ветер. Задует поземка — ночью никаких следов не сыщешь. У меня другой план. Скажи, отец, далеко ли ближайшая деревня? — спросил он у лесника.

— Недалече. Полтора десятка верст. — Молодые крепкие мужики в ней имеются?

— А как же? И не один десяток.

— Вот и возьмем их себе на подмогу. Вперед!

Однако плану Владимира Петровича не суждено было осуществиться.

Горстка французов смогла правильно оценить таившуюся для них в случае разоблачения в многолюдной деревне опасность, предпочтя не появляться в ней вовсе. Перед самой околицей, на взгорке, с которого хорошо были видны огни раскинувшейся вдоль зимника деревни, следы саней сворачивали на неширокую, петлявшую между деревьями просеку. — Что за дорога? Доходит ли до

тракта? — спросил прапорщик у лесника.

— Дорога как дорога. Только у басурмана на ней промашка вышла, — ухмыльнулся в широкую бороду мужик. — Поскольку никуда она его на санях не выведет.

— Как это не выведет? — не понял Владимир Петрович. — Всякая дорога куда-то ведет или что-то соединяет.

— А эта не выведет, — упрямо повторил мужик. — Эту просеку окрестные селяне рубили для нашего барина. Большой он у нас охотник и рыболов. Особенно зимой, когда чем иным занять себя нечем. А тут рядом в лесу озеро, рыбой богатое. Вот барин и заставил мужиков проложить к нему среди болот и оврагов удобную для проезда при всякой погоде дорогу.

— Далекое до озера?

— Напрямик верст пять, по просеке — втрое больше.

Владимир Петрович быстро прикинул в голове сложившуюся ситуацию: вскоре французы очутятся на озере

и поймут, что оказались в ловушке. Чтобы выскользнуть из нее, у них будет два выхода. Первый: возвратиться назад и рискнуть все-таки проскочить по зимнику через деревню. Второй: двинуться от озера к тракту напрямик через лес или по какой-нибудь тропе. В случае если беглецы решат возвратиться, самое разумное остаться на месте и устроить им засаду на просеке. Но если они выберут второй вариант, необходимо как можно быстрее обнаружить их след.

Получалось, чтобы действовать наверняка, преследователям надлежит продолжать погоню до тех пор, покуда французы не окажутся в пределах их зрительной видимости. Скакать за беглецами по просеке нельзя: вдруг они осмелятся возвратиться к зимнику? Тогда, в случае обнаружения преследователей первыми, они устроят засаду сами. Значит, необходимо двигаться к озеру через лес.

— Веди к озеру кратчайшим путем, —

приказал прапорщик леснику...
Озеро открылось перед ними
внезапно. С высокого, полого
спускавшегося к замерзшей воде
откоса, на который они выехали их
леса, оно хорошо просматривалось
во всю ширь. Уже стемнело, в небе
сияла полная луна. И Владимир
Петрович с гулко застучавшим
сердцем увидел посреди матово
отсвечивавшей ледяной поверхности
озера вереницу саней и две
расхаживающие подле них фигуры.
Остальные французы виднелись
передвигающимися черными точками
на противоположном от
преследователей заснеженном
берегу. «Ищут исчезнувшую
просеку», — догадался прапорщик
— Все как нельзя лучше, — радостно
проговорил урядник. — Перекроем
францам дорогу назад и первыми
ударим в упор из засады. Свалим
каждый по паре врагов из
пистолетов, остальных сграбастаем
в полон. Верно мыслю, ваше
благородие?
— Верно, урядник. Поэтому, как

только французы тронутся обратно, сразу в засаду к тем кустам, — указал Владимир Петрович на заросли молоденьких елочек сбоку от просеки.

Однако французы не торопились покидать озеро. Через полчаса к саням вернулись четверо тех, что искали пропавшую на льду озера дорогу. Собравшись в кружок, беглецы некоторое время стояли вместе. «Решают, как поступить дальше», — подумал Владимир Петрович. Закончив совет и вскочив каждый в сани, французы развернули их не к просеке, а погнали к левому берегу, откуда ближе всего подступали к середине озера торчавшие надо льдом сухие метелки прошлогоднего камыша.

Остановив сани и поставив их вплотную друг к другу, беглецы торопливо распрягли лошадей и отогнали подальше к берегу. Сбросив с поклажи парусину, французы сняли с каждой саней по два бочонка, принялись раскатывать их по льду в разные стороны. Через

несколько минут сани оказались внутри широкого круга из расставленных на одинаковом расстоянии друг от друга дюжины бочонков.

Еще не улавливая смысла происходящих на его глазах действий, Владимир Петрович, тем не менее, с интересом за ними наблюдал. Вот французы разошлись, охватили сани и круг бочонков живым кольцом. Сняли с плеч ружья, легли на лед, и до слуха прапорщика донеслась приглушенная расстоянием трескотня выстрелов. Тотчас темноту ночи разорвали несколько ярко-багровых вспышек и тишину леса нарушили гулкие взрывы. Когда пороховой дым рассеялся и улеглась снежная пыль, Владимир Петрович снова увидел шестерых врагов. Сбившись тесной кучкой, они стояли на краю огромной полыньи с плававшими посреди нее двумя испещренными трещинами льдинами. На одной, завалившись на бок и задрав, полозья, виднелись единственные не

очутившиеся в воде сани. Но вот льдина качнулась, ее край с санями погрузился в озеро, и, когда льдина выпрямилась, на ней ничего не было.

Прапорщик еще не пришел в себя от изумления, а французы уже направились к лошадям, принялись разбирать повода. Внезапно в их группе затрещали пистолетные выстрелы, и Владимир Петрович увидел, что четверо беглецов неподвижно лежат на льду.

Оставшиеся в живых, хватая мертвых за ноги и волоча тела по льду, сбросили трупы в полынью, вскочили на коней. Стук копыт — и двое всадников, держа в руках повода от запасных лошадей, исчезли в поглотившем их ночном лесу.

Только тут прапорщик до конца уяснил смысл событий, которые ему пришлось наблюдать на льду озера. Французы, очутившись в ловушке и не рискуя возвращаться на зимник, решили попросту спрятать на время свой драгоценный груз в надежное место, окончательно сбив этим

погоню со следа исчезнувшего таким образом обоза. Выбрав мелководье, о чем свидетельствовали далеко шагнувшие от берега к середине озера камыши, они утопили помеченные рисунком лилии бочонки. Вслед за золотом на дно отправились и четверо солдат-исполнителей, ставших после осуществления операции ненужными и даже опасными свидетелями теперешнего местопребывания русских сокровищ.

Сейчас, похоронив тайну обоза в воде, двое французов спешили к тракту, по которому двигались отступающие колонны их соотечественников, чтобы вернуться к озеру с ними. Взломав лед, который должен был затянуть к тому времени полынью, французы поднимут со дна бочонки и вновь станут обладателями ускользнувших на короткое время из их рук чужих богатств.

Владимир Петрович был уверен, что смог не только верно понять смысл произошедших на его глазах

событий, но и безошибочно проникнуть в дальнейшие замыслы ускокавших французов. А коли так, следовало принять неотложные меры, дабы помешать врагу в осуществлении его плана. Вытерев ладонью вспотевший от волнения лоб, прапорщик глянул на лесника. — Куда ведет тропа, по которой ускокали французы?

— Кто знает, — пожал плечами мужик. — Для саней и телег дорога к озеру и обратно одна — только по просеке. А для пешего и конного — сколь угодно. Не одному же барину зимой рыбкой баловаться, — лукаво ухмыльнулся он. — Почитай, от каждой окрестной деревеньки мужики к озеру свою стежку протоптали. Так что супостаты куда угодно поскакать могут.

— Даже на тракт?

— И на него тоже. Прямой тропы, конечно, от озера к нему нет, а вот от соседней деревни дорога накатана. Скачи по ней, никуда не сворачивая, и аккурат на тракте очутишься.

— Близко до него?

— Пяток верст до деревни и два десятка от нее. На хорошем коне да еще с подменной — сущая безделица. Владимир Петрович опустил голову, задумался. Но сколько ни размышлял, выход из сложившегося положения ему виделся один. Он снова поднял глаза на лесника.

— Поскачешь обратно к зимнику и разыщешь на нем казаков. Скажешь сотнику, что прибыл от меня, и доложишь обо всем, что видел на озере. Пускай ведет казаков немедля к нам, а мы с урядником станем поджидать вас на этом месте. Как думаешь, успеем опередить французов, ежели вздумают пожаловать сюда с тракта? Лесник почесал затылок.

— Надобно поспеть. На зимник поскачу напрямик по нашим старым следам и буду там мигом. А вот когда Господь сподобит повстречать казаков — дело иное.

— А ты ищи казаков, а свою старуху или внучат отправь в деревню за мужиками, — подсказал урядник. —

Нам все едино, кто из наших первыми на озеро пожалуют. Главное, чтоб подмога раньше францев подоспела и не с голыми руками была.

— Так и сделаю, — пообещал лесник. — До новой встречи и Бог в помощь, — сказал он на прощание, одной рукой крестя лоб, а другой разворачивая лошадь мордой от озера.

5

У Мари пока все складывалось прекрасно. Даже лучше, чем она предполагала.

Во-первых, ей сравнительно легко удалось достать себе вполне приличного коня. В глухой лесной деревушке, стоявшей в стороне от зимника, в которую она явилась после бегства от казаков, француженка отыскала дом священника и попросилась у него на ночлег. Уже в сенях, сбрасывая шубу и давясь слезами, она выдала себя за московскую дворянку, жену

гвардейца-офицера, отправившуюся на поиски лазарета, где лежит ее раненый муж. Однако в пути на нее напали невесть откуда взявшиеся в этой глуши французы. В результате сего печального происшествия был убит единственный взятый ею с собой слуга, храбро защищавший госпожу от французов, уведена ее лошадь, а сама она обобрана до нитки.

Теперь, одинокая, беззащитная, одетая в нелепые лохмотья, не знающая в здешних краях никого, она решила обратиться к святому отцу с просьбой о помощи. В первую очередь в приобретении хорошего коня и подобающей ее званию одежды. Деньги, которые ей якобы удалось утаить от грабителей-французов, у Мари имелись, причем немалые и в звонкой монете. Поэтому священник тут же отправил попадью за одним из зажиточных деревенских мужичков, а молоденькая дочь попарадушно предложила к услугам потерпевшей свой собственный

гардероб. Приобретя необходимое и мигом позабыв об усталости, пережитых ужасах и просимом ранее ночлеге, мнимая московская дворянка без промедления вновь отправилась на поиски раненого гвардейца-мужа.

Во-вторых, Мари смогла без всяких злоключений обогнать на зимнике переправившихся к этому времени через наведенный мост казаков, которые представляли для нее сейчас наибольшую опасность. Мари настигла их возле какого-то еще дымившегося сбоку дороги пожарища, откуда казаки вытаскивали и складывали на обочине обгорелые, изуродованные трупы, остатки оружия и снаряжения, а также стоняли в табун бродивших по лесу лошадей под седлами, однако без седоков. Русские настолько были поглощены своими делами, что не обратили внимания на быстро проскакавшего мимо них молоденького вихрастого подростка, в которого с помощью переодевания превратилась на сей раз осторожная

француженка.

Сейчас, оставив страшных казаков за спиной и снова приняв облик безутешной жены, разыскивающей раненого мужа-гвардейца, Мари со всей возможной скоростью мчалась по зимнику. Однако бессонная ночь и дневная усталость давали о себе знать, скакавшая без передышки лошадь все чаще стала спотыкаться, и француженка решила немного отдохнуть. Увидев одинокий лесной домик рядом с дорогой, она без опаски подъехала к нему, привязала скакуна под навесом вместе с жующими овес двумя чужими лошадьми. Смело вошла в избу и прямо у порога обомлела от страха. У печки на широкой скамье лежал перевязанный окровавленными тряпками раненый казак. Над ним склонились двое: старушка со снадобьем и казак с перебинтованной головой и рукой на перевязи. Это были бывший пластун Степан и другой черноморец, оставленные Владимиром Петровичем для перестрелки с преградившими

путь по зимнику французами.

Уничтожив вражеский заслон, однако и сами порядком израненные, казаки нашли приют в сторожке лесника, где раньше них побывали прапорщик с урядником.

Услышав скрип открывшейся двери, старушка и ее помощник одновременно оглянулись. Если на лице женщины отразилось вполне естественное удивление, то казак вначале оторопело вытаращил глаза, но уже через мгновение в них вспыхнула ярость.

— А-а-а! — хрипло и протяжно выдохнул он, хватаясь здоровой рукой за торчавший из-за пояса пистолет.

Лицо казака не говорило Мари ни о чем, поскольку для нее они все были одинаковы, однако его реакция объяснила все. По-видимому, это был один из тех, кто видел ее в избе у разрушенного моста и участвовал в разоблачении как французской лазутчицы. Как некстати свела их сейчас судьба! Стремглав выскочив наружу и

захлопнув дверь перед самым носом бросившегося за ней казака, Мари метнулась к своей лошади, стрелой взлетела в седло. И тотчас от порога прогремел пистолетный выстрел. Заржав, конь стал падать на передние ноги, и Мари, соскочив на землю, бросилась к ближайшим кустам.

— Стой! — раздалось за спиной, и беглянка в страхе оглянулась на голос.

Казак с перекошенным от боли лицом находился от нее в нескольких шагах, и француженка, выхватив один из своих пистолетов, на бегу выстрелила в него. Наверное, пуля попала в цель, потому что преследователь громко вскрикнул. В тот же миг, оступившись в пустоту, Мари покатилась в глубокий овраг, берущий начало в кустах у края пригорка, на котором стоял домик. Падение спасло ей жизнь: посланная вдогонку казачья пуля лишь слегка задела ей бедро. Скатившись по склону на дно, беглянка некоторое время неподвижно лежала ничком,

боясь выдать себя звуком, затем осторожно перевернулась на спину и бросила взгляд вверх. Казака на пригорке уже не было, и Мари, поднявшись на ноги и стараясь шагать бесшумно, двинулась по дну оврага в противоположную от домика сторону. Бедро слегка саднило, но не настолько, чтобы мешать ходьбе. Лишь отойдя от пригорка на значительное расстояние, Мари прислонилась к стволу дерева, задумалась.

Конечно, после встречи с ранеными казаками ее положение изрядно усложнилось, однако не стало безнадежным. Она лишилась коня? Но сравнительно недалеко зимник, по которому часто ездят крестьяне, могущие подвезти ее. Да и в лесу наверняка имеются деревни, а поскольку в деньгах она недостатка не испытывает, то приобрести новую лошадь для нее не проблема. Она ранена? Но не настолько серьезно, чтобы безвольно опустить руки и ждать приближения своей кончины. Поэтому нечего раскисать и терять

понапрасну время! Скорей из оврага туда, где она вновь станет полноправной хозяйкой собственной судьбы!

На зимнике появляться нельзя: можно снова встретить вездесущих казаков, тем более что часть их может быть специально отряжена для ее поимки. Значит, необходимо искать ближайшую глухую лесную деревеньку, где простодушные и сердобольные русские крестьяне опять придут на помощь несчастной, ограбленной, раненой французами-разбойниками московской дворянке, пустившейся на поиски мужа-гвардейца. Итак, немедленно в путь! Жаль, что придется покинуть овраг, где она куда в большей безопасности, нежели в голом, далеко окрест просматриваемся зимнем лесу. Однако ничего не поделаешь — находясь в овраге, она полностью лишена возможности ориентироваться на местности и выбирать нужный ей маршрут движения.

Выбраться из оврага оказалось не

так просто, как она думала. Его склоны были довольно круты и занесены снегом. Каждая попытка Мари подняться к гребню оврага заканчивалась тем, что она, вскарабкавшись на четвереньках до половины склона, неизменно сползала вниз вместе с растревоженным ею снежным пластом. К тому же рана в бедре, поначалу напоминая о себе слабым жжением, разболелась вовсю, отдаваясь при каждом шаге острой болью в низу живота. Мари уже решила отказаться от мысли выбраться из оврага, как вдруг заметила невдалеке цепочку лошадиных следов, пересекавших овраг. Вмиг повеселевшая француженка заковыляла к этому месту: там, где по склону смогла подняться к гребню лошадь, это должно быть доступно и человеку. Так и оказалось. Покинув овраг, Мари немного отдышалась и пошла по следам дальше. Дело в том, что неизвестные всадники двигались со стороны зимника в глубину леса и,

рано или поздно, их маршрут не мог не привести к человеческому жилью. Повалил густой снег, усилился резкий, холодный ветер. Рана на бедре горела, словно в огне, не позволяя ступать на ногу и вынуждая осторожно волочить ее по снегу. С залитым потом лицом, задыхаясь от доселе не испытываемой физической нагрузки, громко плача от боли и жалости к себе, Мари едва брела по следу, оставленному в лесу тремя всадниками. Она давно потеряла представление о пройденном расстоянии и времени нахождения в пути. В голове сидела лишь одна мысль: не упасть, потому что подняться она вряд ли уже сможет. Неожиданно тихий, неясный шум, донесшийся до слуха беглянки, заставил ее остановиться и прислушаться. Она не ошиблась! В направлении, куда вели следы, раздавались конское ржание и стук копыт! И главное, эти звуки приближались к ней! Счастливо улыбаясь, Мари в изнеможении

прислонилась спиной к дереву и с надеждой уставилась в темноту ночи. Стук копыт, временами заглушаемый ржанием и храпом, становился все громче и отчетливее, и вот из-за деревьев вынесся всадник. Обыкновенный русский мужик с большой рыжей бородой и топором за поясом! Он был один, его лошадь скакала по тем же следам, по которым шла Мари. Сердце француженки радостно заколотилось: вот оно, внезапно явившееся спасение!

Подпустив поближе лошадь и опасаясь, что мужик, почему-то постоянно оглядывавшийся назад, ее не заметит, Мари сама окликнула его.

— Эй! Эй! Помогите! Помогите!

Увидев прижавшуюся к дереву темную фигуру, русский натянул поводья, остановил скакуна. Его рука потянулась к топору. Тогда, оттолкнувшись плечом от ствола дерева и прыгая на одной ноге, Мари стала приближаться к мужику.

— Помогите... помогите, — продолжала

повторять она. — Я тоже русская, я в беде. Помогите!

Рыжебородый снял ладонь с топора, наклонился с коня в сторону женщины. На его лице читалось крайнее удивление.

— Я из Москвы, дворянка. Ехала к раненому мужу-офицеру, он служит в гвардии... В пути напали французы. Они ограбили меня и ранили, — отрывисто говорила Мари, поворачиваясь к мужику окровавленным бедром. — Я еле спаслась от смерти. Помогите мне... Я хорошо заплачу, только помогите. Не спуская молящих глаз с русского, француженка потихоньку вытаскивала из-под одежды пистолет. Если мужик и захочет ей помочь, он наверняка захватит ее туда, куда скачет сам, — к зимнику, что для Мари крайне нежелательно. Убедить его изменить маршрут и вначале доставить ее в какую-нибудь деревню вряд ли удастся. Да и какие веские доводы она сможет для этого привести, если ближайшее место, где она

может рассчитывать на помощь и ночлег, — покинутая ею изба у зимника? А коли так, выход напрашивался один: владелицей лошади вместо русского должна стать она и уже по собственному усмотрению выбрать дальнейший путь.

Держась левой рукой за провисшую к земле под тяжестью снега толстую ветку, Мари сделала еще три прыжка навстречу мужику. И когда тот протянул руки, чтобы поднять ее в седло, выхватила пистолет и выстрелила ему в грудь.

Рыжебородый рухнул наземь, а лошадь, напуганная грохотом и вспышкой выстрела у самой морды, взвилась на дыбы, отпрянула в сторону и остановилась в нескольких шагах от мертвого хозяина. Выпустив ветку и отшвырнув дымившийся пистолет, француженка обрадовано заковыляла к лошади, но та, настороженно кося глазом, отступила назад. Мари последовала за ней, однако лошадь, вдруг испуганно дернув головой и

тревожно заржав, метнулась вперед. Едва не сбив француженку с ног, она стремительно исчезла в темноте.

И лишь затих между деревьями стук ее копыт, в уши Мари ворвался другой звук — протяжный, заунывный волчий вой. Все набирая силу, он несся со стороны, откуда прискакал мужик. Так вот почему он постоянно оглядывался назад! Вот что заставило стремглав умчаться его лошадь! Объятая ужасом, Мари безвольно опустилась на снег рядом с убитым русским. Оцепеневшим взглядом принялась следить за мелькавшими среди ближайших деревьев несколькими желтоватыми огоньками, которые, приближаясь и увеличиваясь в размерах, стали окружать ее со всех сторон. Что делать? Пистолет разряжен, для защиты имеются кинжал и топор рыжебородого. Но разве сможет она, слабая и к тому же раненая женщина, отбиться подобным оружием от стаи голодных, почуявших близкую добычу волков?

А огоньки все ближе, одна пара светилась уже за соседним деревом в десятке шагов от нее. Мари показалось, что она даже слышит тяжелое дыхание зверя и ощущает смраднй запах из его широко открытой пасти. Конец! Так к чему лишние страдания...

Быстро перекрестившись и шепча молитву, французенка решительно поднесла к губам перстень с ядом... Маленький, незаметный со стороны костерок, умело разложенный урядником в неглубокой лощине рядом с озером, согревал лишь вытянутые над огнем руки. Однако Владимир Петрович не замечал ни ледяных порывов налетавшего с озера ветра, ни холодных уколов попадавших в рукава и за воротник колючих снежинок: в голове вертелась и не давала покоя навязчивая мысль: что делать? Допустим, лесник встретит и направит к ним полусотню оставшихся в живых казаков. Пусть его жена или внучата поднимут в деревне и пришлют на помощь еще

столько же мужиков. Что это даст? Работы по подъему со дна озера бочонков растянутся не меньше как на несколько часов, а ускакавшие французы могут вернуться к полынье в самое ближайшее время. И не одни, а с подкреплением, намного превышающим число противостоящих им у озера русских.

Как поступить тогда? Уклониться от боя, оставив противника хозяином озера и скрытых в нем сокровищ? А честь русского мундира и ответственность перед памятью тех, кто уже сложил головы в погоне за обозом? Принять неравный бой и доблестно погибнуть? Напрасная, бессмысленная смерть, потому что содержимое бочонков с лилиями в конечном счете все равно достанется врагу! А третьего не дано: их сотня настолько глубоко проникла во вражеский тыл, что не имела со своими никакой связи, в то время как отступавшие по тракту французские колонны находились от озера всего в двух десятках верст. Но ведь должен, обязательно должен

быть какой-то разумный выход!
Владимир Петрович уже несколько раз ловил на себе вопросительный взгляд казака и наконец не выдержал.

— В чем дело, урядник?

— Полюбопытствовать хочу, ваше благородие. Що в тех бочонках, которые францы в озере утопили? И отчего в такую стужу мы их караулить должны?

— А сам не знаешь? Или не при тебе от подобных бочонков французский привал у зимника кверху дном поднялся?

— Э, ваше благородие, привал туточки не при чем, — хитро прищурился черноморец. — Ежели бы сейчас в санях был порох, они взорвались бы вместе с бочонками, що францы из них на лед выволокли. Однако вся поклажа уцелела и пошла на дно нетронутой. Да и будь в санях порох, зачем его францам под лед хоронить и лишние глаза да языки после этого убирать? Нет, ваше благородие, в озере упрятан вовсе не порох, а как раз тот

груз, из-за которого заварилась кутерьма с обозом, — убежденно сказал казак. — Ну кто стал бы из-за обоза с порохом столько жизнью класть и держаться мертвой хваткой даже за утопленные бочонки? Понимаю, шо не моего ума дело, и коли не желаете правду мне открыть, Бог вам судья. Что ж, в наблюдательности и проницательности уряднику не откажешь, и Владимир Петрович после некоторого раздумья решил рассказать ему все, что знал. Какой прок был сейчас от его молчания? Скоро придут казаки и мужики, начнут поднимать со дна бочонки, среди которых наверняка окажутся поврежденные взрывами, и все прежде тайное станет явным. Да и разговор с казаком отвлечет Владимира Петровича от навязчивых мыслей о сложившейся ситуации. Урядник внимательно, перестав дымить своей длинной, с изогнутым чубуком трубкой, выслушал прапорщика, и когда тот смолк, он восхищенно цокнул языком:

— Шесть саней золота и драгоценного камня! Целая войсковая казна!

Владимир Петрович со смешанным чувством жалости и грусти посмотрел на казака. Вот он, ярчайший пример того, чего опасался главнокомандующий, что заставило его, умудренного жизнью и прекрасно разбиравшегося в людях старика, остановить выбор на Владимире Петровиче, вчерашнем штатском, предпочтя его многим имевшим громкую боевую славу офицерам-рубакам. Причина в том, что ни для главнокомандующего, ни для Владимира Петровича содержимое увозимых французами бочонков никогда не могло быть приравнено к обыкновенному золоту или драгоценностям. И прапорщик решил растолковать собственную точку зрения собеседнику.

— Нет, урядник, это не просто золото и камень-самоцветы, а кусочек державы русской, частица души нашей общей: твоей и моей, ускользнувшего сейчас мужика и твоих

друзей — казаков. Всего того великого множества россиян, что когда-либо жили на земле нашей и ныне продолжают жить на ней. Потому что не только землю и воды, леса и горы завещали нам отцы и деды, но и свою веру и обычаи, язык и нравы, дела и думы. Не золотую церковную утварь, драгоценные кресты, иконные оклады, не столовое серебро и бесценные украшения похитили у нас чужеземцы, а выплеснувшись из русской души наружу и воплотившись в сих дивных творениях радость и горе, мудрость и дерзание, терпение и несбывшиеся мечты многих поколений наших предков. Все, чем жили и грезили они всю многотрудную жизнь, что рождало в них богатырскую силу и никогда не позволяло гаснуть надежде и борьбе за лучшую долю. Что завещали они нам, своим внукам, и что обязаны сохранить и оставить нашим детям мы сами. Не золота лишимся мы, россияне, утратив эти неповторимые

сокровища, а частицы нашей души и памяти, истории и культуры, без чего немыслима полнокровная духовная жизнь любого народа, тем паче столь великого, как наш. Низко опустив голову, урядник молчал, и со стороны могло показаться, что он дремлет. И Владимир Петрович с сожалением подумал, что зря затеял разговор. Что мог понять из его объяснений этот простой казак-черноморец? Сын тех непокорных сечевиков-запорожцев, которые всего полсотни лет назад были переселены Екатериной Второй из уничтоженной по ее приказу Запорожской Сечи в предгорья Кавказа. Чтобы там, под пулями и шашками горцев, занятые борьбой за собственное выживание и одновременно расширяя пределы империи в Причерноморье, по Кубани и Тереку, забыли они о своем извечном свободолюбии. А посему какое дело суровому, бесстрашному, но грубому душой и сердцем воину-украинцу до истории и

культуры далекой и неласковой для него России?

Урядник вскинул голову, встал в полный рост, молча принялся загребать огромными сапожищами снег и наваливать его на костер. Когда последний трепещущий огонек исчез под высокой белой шапкой, он повернул голову к Владимиру Петровичу.

— Нечего терять время, ваше благородие. Ясно, що францы обязательно вернутся за золотом. Будь их даже пара эскадронов, а с меньшими силами они в эту глухомань не сунутся, остатки сотни не справятся с ними. Значит, бочонки вновь окажутся в неприятельских руках. Дабы этого не случилось, следует любой ценой прикончить тех двоих францев, що поскакали за подмогой.

Владимир Петрович был удивлен.

— Я предлагал организовать преследование сразу же, как только французы покинули озеро. А ты отговорил меня.

— Начинать погоню сразу, по

горячим следам опасно. Францы не дурни, обязательно станут проверять петли погони, особенно поначалу, а в зимнем лесу конному схорониться трудно... и кто убегает, и кто догоняет. Обнаружь нас францы первыми, они устроили бы засаду и перестреляли бы нас ни за понюх табака. И еще... — урядник замялся, — разве знал я прежде, що за поклажа спущена под лед и какова ей истинная цена?

— Что предлагаешь?

— Немедля отправиться за францами. И покуда они не успели привести к полынье своих, прикончить их. Как медведя зимой: прямо в собственной берлоге.

— Они опередили нас больше чем на час и успеют раньше достичь тракта. Боюсь, что, когда мы догоним их, тайна озера уже станет достоянием многих.

Черноморец отрицательно качнул головой.

— Нет, ваше благородие.

Припомните: многим ли рассказали правду о вражьем обозе вы сами?

Только мне, причем в последнюю минуту. Точно так поступят и францы: сообщат о золоте в озере лишь тому, кому надлежит об этом знать. А для этого потребуется времени куда больше, нежели выигранный у нас час. И потом...

Мало рассказать о полынье, надобно привести францев на нужное озеро, не спутав его с другими, коих в округе множество. Да и очутись на озере не побывавшие здесь прежде францы, какой с них толк: полынья скоро затянется льдом, а снег и поземка надежно скроют все следы. Поверьте, ваше благородие, ежели мы прикончим пару удравших францев, на всех прочих можно смело плевать с самой высокой кучи.

Владимир Петрович слушал урядника со все возрастающим интересом. Вот тебе и простой казак смог не только понять его объяснение относительно увозимых французами российских сокровищ, но и продумал план их спасения. А он всегда считал казаков только лихими

рубачами и не больше. Впрочем, чему удивляться, ежели никогда доселе он не сталкивался с ними. Правда, ему приходилось слышать и о бранных подвигах атамана Платова, и о знаменитой донской казачьей династии Иловайских, а весной этого года видел на столичных улицах и лейб-гвардейскую сотню казаков-черноморцев. Молодец к молодцу, отборные кони, безукоризненное равнение в шеренгах, залихватская строевая песня... Яркие солнечные блики на изукрашенном золотом и серебром оружии, сверкание гвардейских эполет, широченные синие шаровары с лампасами у офицеров из галуна, а у казаков из узорчатого басона... Сто двадцать один удалец с берегов Кубани: 5 офицеров, 14 урядников и 102 казак. О командире сотни гвардейцев-черноморцев войсковом полковнике Афанасии Бурсаке ходили легенды: сын атамана Черноморского казачьего войска Федора Бурсака, в 14 лет рядовой казак, в 18 —

хорунжий, затем, получив блестящее образование и огромный боевой опыт, — адъютант военного министра А. А. Аракчеева, потом М. Н. Баркляя де Толли. И вот двадцатидевятилетний полковник командует гвардейской сотней казаков-черноморцев, сформированной «во изъявление монаршего своего благоволения к Войску Черноморскому за отличные подвиги их противу врагов Отечества нашего, во многих случаях оказанные, желает иметь при себе в числе гвардии своей сотню конных казаков».

В столице черноморцы пробыли недолго: в середине марта конный лейб-гвардейский полк под командованием генерал-лейтенанта Орлова-Денисова в составе трех эскадронов и сотни казаков-черноморцев отправился на границу с герцогством Варшавским. После начала войны с Наполеоном Владимир Петрович не раз читал и слышал о славных боевых делах гвардейцев-черноморцев. Так, 23

июня под Кочержишками черноморцы выиграли бой с намного превосходящим их в силах противником, за что А. Бурсак был награжден орденом св. Владимира 4-й степени с бантом. Затем 9 июля черноморцы лихой атакой разгромили полуторатысячный авангард французов, а 15 июля участвовали под Витебском в знаменитой атаке конного отряда генерал-лейтенанта Орлова-Денисова. Тогда на глазах императора Наполеона русская кавалерия вырубилла 16-й французский конно-егерский полк, около двух рот пехоты и захватила вражескую артиллерийскую батарею, чем повергла Наполеона в ужас... И вот теперь оказывается, что казаки-черноморцы могут работать не только саблей. Но насколько продуман и осуществим предложенный урядником план?

— Как мы найдем нужных нам французов? — поинтересовался Владимир Петрович.

— До тракта поскачем по их следам, а дальше... дальше язык до Киева

дове́дет. Тем па́че що вы, ва́ше
благоро́дие, по-ихне́му разуме́ете.
Скажете́ францу́зам, що мы дру́жки
бе́глецов, то́же приска́кали по
зото́му делу́ и нам все́м кра́йне
надо́бно встре́титься. Ну а ко́гда
нас све́дут... — уря́дник не
догово́рил, но красноре́чиво по́ложил
ладо́нь на эфе́с свое́й дли́нной
са́бли.

— Но наш ви́д... оде́жда? Незна́ние
па́роля, кото́рый наве́рняка
уста́новлен для́ свя́зи уско́кавших
фра́нцузов с их отсту́пающими
во́йсками? — продо́лжал сомне́ваться
в ре́альности́ пла́на уря́дника
пра́порщик.

— Ви́д? Подходя́щий: сто́лько су́ток
не бри́лись и не чи́стились, що
люба́я пси́на нас за свое́го
призна́ет. Оде́жда? В пер́вой же
дере́вне вы́меняем на ва́шу шинель и
мою́ бурку́ па́ру ту́лупов — се́йчас
все́ францы́, стра́шась холо́дов, в
них обла́читься мечта́ют. А вот
па́роль... — черно́море́ц на ми́г
заду́мался. — Разве́ не мо́жет бы́ть
та́к, що его́ зна́ют осо́бо до́веренные

командиры, а не всякий причастный к золотому обозу? Между прочим, чтоб разобратся, кто мы такие на самом деле, нас и могут свести с ускакавшими францами.

Чем больше размышлял Владимир Петрович над предложением урядника, тем меньше казалось оно фантастичным. Конечно, в нем имелся ряд изъянов, но в каком серьезном деле не присутствует элемент риска? Зато в случае осуществления этого плана полностью исключалась угроза захвата французами находившегося на дне озера груза.

То, что прискакавшие остатки сотни не найдут Владимира Петровича на условном месте, его не волновало. Все произошедшее на озере собственными глазами видел лесник, и он точно укажет расположение полыньи. Поэтому сотник примет единственно верное решение и без Владимира Петровича. Даже если этого не случится, командир сотни во всех случаях обязан доложить о результатах рейда лично

главнокомандующему, а уж тот поймет все сразу. Мысль о том, какую судьбу сулит план урядника самому Владимиру Петровичу и его напарнику, он старался гнать из головы...

По оставленным беглецами следам они скакали почти до самого тракта, и примерно в версте от него были остановлены грозным окликом по-французски:

— Стой! Ни с места!

Едва они остановили лошадей, из кустов по обеим сторонам дороги к ним шагнули несколько темных фигур с ружьями наизготовку. Еще с десяток вражеских солдат, держа всадников на прицеле, продолжали находиться в кустах. Лишь отблески лунного света, игравшего на стволах и штыках ружей, выдавали их присутствие.

— Кто такие? — строго спросил французский офицер, беря под уздцы лошадь Владимира Петровича и вглядываясь ему в лицо.

— Свои. Из штаба корпуса генерала Жюва, — четко ответил

по-французски прапорщик.

— Пароль?

— Не имею представления, — как ни в чем не бывало заявил Владимир Петрович. — Вчера вечером мы встретились с казаками и, спасаясь, сбились с маршрута и больше суток проплутали по лесу. По этой причине сегодняшней пароль нам неизвестен, а вчерашний вряд ли нужен вам. Однако за нас могут поручиться те два офицера, что примерно час назад тоже наткнулись на вас.

По губам офицера скользнула язвительная усмешка.

— Хороши поручители: сами не знают пароля. Хотя уверяют, что лично знакомы с маршалом и командиром корпуса, а сейчас выполняют какое-то их сверхважное задание. Я приказал доставить обоим в штаб к полковнику. Пусть он разбирается со столь важными особами.

— Мы выполняли то же задание маршала, что и упомянутые офицеры, и были в одном с ними отряде. Однако после стычки с казаками он

перестал существовать, и мы с другом вынуждены были добираться к своим самостоятельно. Мы будем премного благодарны, если вы поможете нам встретиться с ранее прискакавшими сослуживцами.

— Именно это я и собираюсь сделать, — буркнул офицер. — Прошу сдать оружие...

В сопровождении двух конвоиров, упиравшихся Владимиру Петровичу и уряднику штыками в спины, они были доставлены в кишащую французами лесную деревушку. Велев подождать, офицер исчез за дверями избы с замершим у крыльца часовым.

— Прошу, — пригласил он задержанных, вновь появляясь на улице. — Вас ждут.

Войдя в избу, прапорщик и урядник по команде офицера остановились у порога, конвоиры застыли у них по бокам. Посреди жарко натопленной горницы стоял длинный стол, за ним с картами в руках сидели четверо французских офицеров. Еще двое, наблюдая за игрой, виднелись за их спинами. При появлении задержанных

игра прекратилась, находившиеся в горнице принялись с любопытством их разглядывать.

— Капитан, это ваши люди? — обратился к одному из игроков в карты грузный офицер, ближе всех сидевший к печке.

— Никак нет, господин полковник, — твердо прозвучал ответ.

— Что скажете вы, лейтенант? — грузный офицер перевел взгляд на другого француза, тонкого в кости, с длинными белокурыми волосами.

— Впервые их вижу.

Полковник, сам того не ведая, намного облегчил прапорщику и уряднику выполнение задачи.

Наиболее уязвимым местом их плана являлось то, что ни один из них не знал ускакавших французов в лицо.

Поэтому, очутившись в лагере противника, они рисковали попросту не опознать беглецов либо перепутать с кем-то другим.

Теперь, благодаря заданным полковником вопросам и полученным ответам, Владимир Петрович и урядник узнали своих противников.

Это было как раз кстати, поскольку развитие событий требовало уже не слов, а немедленных решительных действий. О том, что у них при задержании могут отобрать оружие, прапорщик и урядник предполагали, и с учетом этого фактора заранее обдумали несколько вариантов своих действий. Один из них подходил к сложившейся ситуации.

Переглянувшись с Владимиром Петровичем, урядник зашелся в кашле, страдальчески скривил лицо и шагнул к стоявшей на скамье у двери большой деревянной бадье с водой. Обхватил ее обеими руками, поднес к лицу, приник к краю губами.

— Господин полковник! — громко крикнул прапорщик, привлекая к себе внимание французов. — Разрешите объяснить...

Он не договорил: бадья с водой полетела в грудь одного из конвоиров, с силой вдавила его в бревенчатую стену. Не мешкая, урядник схватил тяжеленную скамью, на которой стояла бадья,

размахнулся и обрушил ее на головы второго солдата и доставившего задержанных офицера. Швырнув после этого скамью в сидевших за столом французов, казак одним прыжком очутился подле свалившихся у дверей конвоиров, нагнулся над ними. На полу валялись два ружья с примкнутыми штыками, за поясом офицера торчали рукоятки двух пистолетов. Однако черноморец, не раздумывая, рванул из ножен его саблю. Опытный, умелый рубака не доверял ружьям и пистолетам: казачье тело не раз клевали чужие пули, а он до сих пор был жив. Зато после его страшных сабельных ударов еще не выживал никто. Выпрямившись и на мгновение замерев перед прыжком, урядник бросил быстрый взгляд по сторонам. Угодившая в стол скамья опрокинула его, заставив игроков разбежаться по горнице. Оправившись от неожиданности, некоторые из них выхватывали из ножен сабли, другие тасили из-за поясов пистолеты. Врагов было шестеро, и двое из них

должны были обязательно умереть. Молниеносный рывок черноморца в сторону лейтенанта, тонкий свист рассекающей воздух сабли — и первый из беглецов, даже не вскрикнув, рухнул на пол. Тотчас горница наполнилась грохотом пистолетных выстрелов, направленных в урядника: одна пуля вошла в раненое на зимнике плечо, другая впиалась в грудь. Черноморец вздрогнул, пошатнулся, в глазах потемнело. Однако рука вновь занесла над головой клинок: прислонившись спиной к противоположной стене, напротив казака стоял ускакавший от озера капитан. Уставившись на черноморца расширенными от ужаса глазами, он судорожными движениями рвал из ножен саблю, однако никак не мог вытащить ее до конца. Раскачиваясь на плохо повинующихся ногах, урядник сделал шаг к капитану, но нанести удар не успел. Полковник, укрывшийся поначалу за печью, выступил из-за нее и выстрелил черноморцу в голову из двух

пистолетов .

Прапорщик сбросил с плеч тяжелый, сковывавший движения тулуп, уступая дорогу более расторопному казаку, бросившемуся с саблей на лейтенанта, прижался спиной к стене. Затем опустился на корточки у тела офицера-конвоира, выхватил из-за его пояса пистолеты. Щелкнул их курками, повел глазами по горнице. Лейтенант, разбросав руки, лежал на полу с разрубленной надвое до плеч головой, но второй беглец, капитан, был цел и невредим. Не поднимаясь с корточек, прапорщик прицелился, нажал на курок. На груди капитана появилось и стало быстро увеличиваться темное пятно, правая ладонь выпустила эфес сабли. Не обращая внимания на других французов, Владимир Петрович разрядил в него второй пистолет и ощутил, как его спину обдало холодом из распахнувшейся двери. Отбросив пистолеты и схватив с полу ружье, прапорщик хотел обернуться, но было уже поздно.

Вбежавший в горницу часовой, стоявший прежде у крыльца избы, сделал длинный выпад и вонзил Владимиру Петровичу в спину штык... Разгоряченные схваткой французы не успели прийти в себя, как возле избы раздался конский топот и на крыльце загремели тяжелые шаги. Дверь распахнулась, и на пороге появились несколько человек в французских офицерских шинелях. Один из них, с властным надменным лицом, остановил взгляд на полковнике, вытянувшемся перед ним в струнку.

— Что здесь происходит?

— Господин генерал, в мой штаб проникли переодетые русские.

— Я не намерен разбираться, почему ваш начальник караула не научен нести службу должным образом. Я прибыл, чтобы встретиться с моими офицерами.

Лицо полковника побледнело.

— Господин генерал, произошло несчастье: русские их убили.

Убежден, что именно с этой целью вражеские лазутчики и проникли в

штаб.

Генерал нахмурился.

— Убиты? Оба? Надеюсь, они успели сообщить все необходимое, связанное с их заданием?

— Только то, что я передал вам с посыльным. То есть: груз спасен и находится в надежном месте недалеко от нашего тракта.

— Где это место?

— Ничего больше мне не известно.

Ни о грузе, ни о том, где он спрятан. Капитан собирался доложить об этом лично вам.

Генерал еще раз окинул взором забрызганную кровью горницу, стоявших перед ним с виноватым видом офицеров. Скользнул глазами по раскрытому черепу лейтенанта, по лежавшему ничком у стены бездыханному капитану. Подавляя чувство брезгливости, ощущая, как к горлу подкатывает тошнота, сухо бросил:

— Приведите себя в порядок, полковник. Отправитесь со мной и лично доложите маршалу о случившемся...

По просеке на берег озера
вынеслись десяток казаков,
сдержали лошадей, завертели во все
стороны головами. Озеро было
пустынным, его поверхность под
желтоватым светом луны отливала
серебром. По льду то здесь, то там
пробежали юркие змейки
взвихренного ветром снега, густо
валившего с неба. Ни единый звук
не нарушал тишины озера и
окружавшего всадников леса, ничьих
следов не виднелось на ледовом
панцире и засыпанных снегом
берегах.

Старший из казаков, стоявший для
лучшего обзора в полный рост в
стременах, опустился в седло,
устало провел по глазам ладонью.
Поправил на голове лохматую шапку,
стряхнул снег с башлыка,
повернулся к спутникам.

— Верно сказывали в деревне: никак
не могли сюда францы податься,
поскольку на санях пути дальше
нет. Так и доложим пану сотнику,
що неприятелей надобно шукать на

зимнике. За мной, хлопчики!
Всадник вытянул коня нагайкой, и
казаки поскакали назад. И
первозданная тишина вновь
опустилась на озеро. На
прильнувшие к нему ослепительно
сияющие под луной берега, на
дремлющий окрест белый, словно
зачарованный, лес.